

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

НЕОБЪЯСНИМЫЕ ПРАВИЛА СМЕРТИ

РОМАН*

Часть вторая

ЮЛИЯ БЕЗНОСОВА

Не успел я опомниться, как лежал лицом вниз, — точнёхонько в меловом контуре неведомого, но уже оставившего земную юдоль гостя. Руки мои грубо завернули за спину и больно защёлкнули на запястьях наручники. Безуспешно пытаюсь задрать голову, я видел перед собой только тупоносые высокие армейские ботинки. Они без всякой жалости топтали мои фотографии, странички рукописей, постельное бельё, одежду. Один из этих ботинок зачем-то больно двинул меня под рёбра. Я застонал, но мозг мой хладнокровно отметил: вся обувь одинакового казённого образца, стало быть, это всё-таки не бандиты, а милиция.

— Оружие есть?

— Н-нет...

Меня грубо обыскали. Потом пнули ещё раз:

— Вставай!

Попробуйте встать, лежа лицом вниз, с руками за спиной! Это только в кино просто. Я перевалился набок, согнул ноги и с большим трудом встал сначала на колени, а потом уж на ноги. Я не ошибся: меня окружали люди в сером камуфляже, в бронежилетах, с нашивками МВД и в чёрных масках. Было их человек пять, и все они наставили на меня воронкообразные дула

* Журнальный вариант. Окончание. Начало в № 3 за 2009 год.

своих укороченных автоматов. Маски меня смутили: а вдруг всё-таки это переодетые бандиты?

— Кольванов Василий Петрович? — спросил один из незваных гостей, с тремя маленькими звёздочками на погонах, держащий в руках мой паспорт.

Я кивнул.

— Вы задержаны по подозрению в убийстве Галины Удовенко.

Кого?! Гали? Этой несчастной алкоголички? Так это... её здесь?.. Зачем? И как она попала сюда? Я даже не нашёлся, что ответить ментам. Они, впрочем, никакого ответа от меня и не ждали, просто ткнули дулом в спину и повели вниз. Только теперь, когда мы миновали второй этаж, я разглядел в тусклом свете на Галиной двери точно такую же печать, как и на моей. Красно-белых лент, правда, не было.

У подъезда стоял милицейский микроавтобус УАЗ с клеткой-“обезьянником”. Туда меня и запихнули. Из окошка в первом этаже за моим арестом наблюдала старуха Липа, очевидно, и “стукнувшая” в милицию о моём появлении.

— Как ты думаешь, дадут нам премию за поимку убийцы? — спросил один мент в маске у другого, когда мы тронулись.

— А хер его знает, — ответил тот. — Он, может быть, захочет, чтобы его судил суд присяжных, а тот его оправдает. Какая тогда премия? Нет убийцы, нет и премии. Вот если бы мы его взяли при попытке сопротивления...

— Так что же ты только сейчас говоришь? Давай организуем!

Мент, которому был обращён вопрос, задумался, потом пожал плечами.

— Ну, не знаю... Старлея надо уговаривать... — Он кивком головы указал на начальника, сидевшего рядом с водителем. — Да и мы уже на улице, могут быть нежелательные свидетели. Поздно.

Они обсуждали этот интересный (для меня, во всяком случае) вопрос, не обращая на меня никакого внимания.

У “околотка” меня грубо, за шиворот выволокли из машины и потащили мимо дежурного по коридору. Втолкнули в какой-то кабинет. Там сидел за столом сутулый лопоухий мент с капитанскими погонами.

— Вот он! — сказал старлей и с оттяжкой, как козырной картой, шлёпнул по столу моим паспортом. — Задержан на месте преступления.

Другой мент вывалил на стол вещи, отобранные у меня при обыске.

— Вы что, его обыскивали? — удивился капитан. — Зачем?

Старлей зыркнул по мне взглядом, облизнул губы.

— Так это... вы же сами, товарищ капитан, сказали доставить его сюда!

— Так доста-авить же! А не надевать наручники и обыскивать! Никто его пока в подозреваемые не записывал. Тот факт, что он не пришёл ночью домой, ещё не является доказательством его виновности. Я надеюсь, вы ему свои приёмчики не показывали? А то он, между прочим, журналист, может написать о вас статейку.

Старлей откашлялся.

— Да нет, всё в ажуре... Правда, мужик? — Он дёрнул меня за рукав.

— Да, правда, — пробормотал я. До меня только сейчас начал доходить смысл происходящего. — Но это — горькая правда.

— Да брось ты, мужик! Ну, положили тебя на пол. Но это же правила задержания.

— Ладно, бойцы, — махнул рукой капитан. — Спасибо вам. Отдыхайте.

“Бойцы”, лучась приветливостью, приговаривая “извините”, “ручки держите вот так”, сняли с меня наручники и очень быстро исчезли.

— Капитан Шабров, — представился мент. — Присаживайтесь. Вас не сильно помяли? Но... вы понимаете. Исполнительные дураки — это стихия. Так где же вы были вчера вечером и ночью?

— В гостях. У подруги.

— Понимаю, — кивнул Шабров. — Имя, адрес назвать можете?

— Ну, если вы меня арестуете, то назову, конечно. А так — не буду.

— Замужняя, что ли?

— Нет, не замужняя. Но, как бы вам это так сказать... скрытная. Не

любит, чтобы кто-то узнавал о подробностях её личной жизни. Тем более — милиция.

— Ладно, вернёмся к этому позже. А как вы думаете, почему Галину Удовенко убили именно в вашей квартире?

Я пожал плечами.

— Ну... может быть, она была наводчицей у грабителей. А когда те увидели, что поживиться нечем, то сорвали на неё злость. И заодно устранили как свидетеля.

Других причин происшедшего я и на самом деле не видел.

— А вы не успели заметить, что у вас похищено?

— Успел — жёсткий диск компьютера.

— Ну, это и мы заметили. Значит, ограбление могло быть связано с вашей профессиональной деятельностью?

— Не знаю. Вообще-то моя редакционная деятельность больше связана с искусством, чем с тайнами и сенсациями.

— Были ли в квартире деньги, ценности?

— Только деньги. Тысяч пятнадцать рублей.

— Их не взяли. Значит, искали что-то другое. Что было на украденном жёстком диске?

— Мои собственные произведения. Разные мелочи по работе. Больше ничего.

— Перед тем, как убить Удовенко, её жестоко пытали. Взломщики явно пытались что-то у неё выведать. Но что? Может быть, вы что-то прячете в квартире, и об этом узнала Удовенко?

— Галя никогда не бывала в моей квартире. Дальше порога я её не пускал. Ну, а если вы считаете, что я мог прятать у себя что-либо, поезжайте и попытайтесь найти. Мне всё равно — там и так полный кавардак.

— М-да. — Капитан задумчиво постучал пальцами по столу. — Что творится в вашем доме? Позавчера украинца какого-то завалили, вчера — Галю эту... Да если бы её убили в своей квартире, у меня и вопросов бы не возникало, кто и почему. Всю эту шайку-лейку мы знаем. Но взломами они никогда не занимались. Одного из её сожителей мы взяли, так он алиби железное представил. Хотя, — Шабров махнул рукой, — что железного могут засвидетельствовать такие же ханыги, как он? Ну что ж — поймем остальных дружкав Удовенко, допросим...

Я откашлялся.

— А можно узнать... как её?

— Ножом или заточкой, в сердце. Орудие убийства на месте преступления не обнаружено. Ну что ж, давайте составим протокол... Стало быть, вы отказываетесь назвать имя своей подруги?

— Ну зачем это вам? — спросил я с досадой. — Ведь не верите же вы, в самом деле, что я убил в своей квартире эту алкоголичку Галио да ещё перед смертью пытал её? Для вас это так называемое алиби — чистая формальность, а для моей знакомой — неприятность. Она знать не знала никогда никакой Гали, и не к чему её сюда вмешивать.

— Тогда придётся взять с вас подписочку о невыезде.

Пока Шабров писал, я курил сигарету из отобранной у меня ментами пачки. Никакого желания поведать капитану об истории с чемоданами я не испытывал. Он, судя по его требованию подписки о невыезде, отправлять меня в КПЗ не собирался, но я понимал, что мне этого не избежать, если я стану рассказывать о Гарькавом, Шматько, Безносовой, бое в Петровском переулке, Караблуте, Шпигуне... Ещё недавно, на пороге своей квартире, я размышлял, что арест, наверное, будет предпочтительней моего дальнейшего мучительного пребывания на свободе, теперь же, после знакомства с омоновцами, я так не думал.

Дверь кабинета распахнулась, и стремительно вошёл плотного сложения господин в штатском с квадратной седеющей головой, стриженной под полубокс. Он мельком глянул на меня и показал что-то Шаброву, а что, я не разглядел, так как он стоял ко мне спиной, — “корочку”, скорее всего.

— Чем обязан? — осведомился капитан, вставая.

— Этот гражданин — Кольванов Василий Петрович? — вопросом на вопрос ответил господин.

— Так точно.

— Вы закончили следственные мероприятия с ним?

— Да, в принципе закончил. Ему осталось только прочитать протокол, подписать его и дать подписку о невыезде.

— Хорошо. Мне тоже нужно задать ему несколько вопросов.

— Присаживайтесь.

— Ничего, я сегодня насиделся.

Нехорошее предчувствие охватило меня. Это ещё кто такой? И почему я должен отвечать на его вопросы?

— Вы говорите обо мне так, будто меня здесь нет, — заметил я. — А вот товарищ капитан, прежде чем задавать мне вопросы, представился, между прочим.

Тип в штатском опять достал удостоверение и сунул мне под нос. “Федеральная служба безопасности РФ, — прочитал я. — Полковник Овечкин Евгений Семёнович”. “Так, — подумал я, — теперь, кажется, меня зацепили по-настоящему”.

Я прочитал протокол, подмахнул его и подписку о невыезде.

— Вы разрешите взглянуть? — спросил у Шаброва Овечкин.

— Пожалуйста. — Капитан протянул ему протокол. — Посидите здесь, подождите, — сказал он мне и вышел.

Я сидел, не глядя на полковника Овечкина, он же стоял, заложив одну руку за спину, как Наполеон или Керенский, и читал протокол. Вернулся Шабров и протянул мне деньги, завернутые в пластиковый “файл”.

— Ваши пятнадцать тысяч рублей. Напишите за них расписку, пожалуйста.

— Признаться, я думал о нашей милиции хуже, — сказал я, приятно удивлённый. — Спасибо.

— Все только и делают, что думают о милиции хуже, — усмехнулся капитан. — И никто не интересуется, а что же думает милиция о нашем населении. А было бы любопытно поинтересоваться. Милиция знает о людях много-ого.

— Ну и что же в целом думает милиция о нашем населении? — спросил я, сочиняя расписку.

— Дерьмо, — коротко ответил Шабров и отвернулся.

Я захохотал. Полковник Овечкин насупился.

— У меня очень мало времени, — заявил он. — Вы, вероятно, закончили вашу беседу?

— На сегодня закончили, — сказал капитан. — Вас вызовут, гражданин Кольванов, когда потребуется. Вы прочитали пункт об ответственности за нарушение подписки о невыезде? Хорошо. Стало быть, вы предупреждены. Вы где хотите задавать ваши вопросы? — повернулся он к Овечкину. — Здесь или...

— Или, — ответил полковник. — Идёмте, — кивнул он мне.

Я рассовал по карманам вещи, отобранные при обыске, а прозрачный “файл” с деньгами взял в руки. Овечкин прищурился.

— Вы что, так и будете выходить из милиции — с деньгами в руках?

— Небось не ворованные, — усмехнулся я и спрятал пакет во внутренний карман.

Открыв дверь, Овечкин пропустил меня вперёд. Идя по коридору, я чувствовал его взгляд у себя на затылке. На улице Овечкин показал припаркованную возле отделения чёрную “Волгу” последней модели.

— Садитесь.

На передних сиденьях “Волги” я увидел двух мордovorотов в чёрных кожанках.

— Куда же мы, — поинтересовался я, — на Лубянку?

— Вы торопитесь на Лубянку? — поднял брови полковник.

— Да мне по барабану, — честно ответил я, усаживаясь на заднее сиденье. — Надо на Лубянку — поехали на Лубянку.

— Я думаю, можно поговорить и здесь. Ребята, погуляйте.

Мордвороты вылезли из “Волги”.

Полковник помолчал, а потом, не глядя на меня, спросил:

— О каком деле вы говорили сегодня по телефону с Виталием Шпигуном?

Ого! Оперативность!

Я подумал и ответил:

— Вы мне не поверите, но я не знаю, о каком деле я говорил с этим Шпигуном. Видите ли, за мной, начиная с вчерашнего дня, идёт настоящая охота. И мне приходится блефовать и вертеться, чтобы выжить.

— Нельзя ли поконкретней? Почему за вами идёт охота? И по какому, собственно, поводу вы обратились к Шпигуну?

— Если вам известно про мой телефонный разговор с ним, то, надо полагать, известно, по чьему телефону я звонил и по какому поводу.

— Прекратите говорить загадками! Хозяин телефона нам известен, но повод — нет.

— И мне — нет. Но чтобы выжить, я делаю вид, что он мне известен.

— Как это так?

— А так. Чтобы меня не схватили и не запытали до смерти, как эту несчастную алкоголичку, которую нашли мёртвой в моей квартире, я веду переговоры с бандитами, сам не знаю о чём.

— Не морочьте мне голову! Вы торгуетесь с адвокатом Караблутом, требуете увеличения вашей доли и якобы не знаете, за что вам причитается эта доля? Вы и в самом деле хотите на Лубянку?

Это был странный разговор не только из-за его содержания, но и из-за того, как мы говорили, — глядя не друг на друга, а в окна, за которыми насупленно прохаживались мордвороты. Я повернулся к Овечкину.

— Евгений эээ... Семёнович! Как я понял, вы знаете от Караблута о содержании нашего с ним разговора. Неужели вам неизвестно, о чём посылал его договариваться со мной Шпигун?

— Давайте я буду задавать вопросы. А вы на них будете отвечать. Что являлось предметом сделки, о которой вы говорили с Караблутом?

— Я не знаю! — закричал я. — Могу предположить, что это чемоданы, но не знаю, что в них! Спросите у Караблута!

— Вы не знаете, за что требовали деньги?

— Я даже не знаю, выражалась ли эта так называемая доля в деньгах! Говорю же вам, я блефовал, чтобы со мной вели переговоры, а не пытали и убивали.

— Караблут, напротив, показывает, что это вы угрожали ему огнестрельным оружием, а потом даже отдали распоряжение киллеру убить его не в здании, а на улице. Где, кстати, это оружие? При обыске, как я понял, его у вас не нашли.

— Я пугал этого лоера, гремя в ящике стола железным дыроколом. А “киллер” — это мой сотрудник Анатолий Семенов, художник. Он и курицы в жизни не обидел. Я с его помощью просто разыграл Караблута. Можете проверить.

— Вы хотите сказать, что и номер телефона, который вы передали Караблуту, тоже ненастоящий?

— Нет, номер настоящий.

— Откуда же он у вас?

— Это телефон моего покойного приятеля Олега Шматько.

Наш диалог всё больше напоминал какой-нибудь фарс Ионеско. Овечкин, между тем, не удивился, но нахмурился.

— Шматько? Но среди убитых нет никакого Шматько.

— Убитых?.. — пролепетал я. — Вы хотите сказать...

— А отчего, вы думаете, я здесь?

Так... Стало быть, “разборка” людей Шпигуна с теми, кто посылал мне “эсмэски”, и впрямь состоялась...

— Кто был ваш покойный приятель? — продолжал наседать полковник. — Бандитом?

Я пожал плечами.

— Вряд ли. Но, видимо, имел дело с ними. Они убили его, завладели телефоном и послали мне по нему “эсэмэски”, полагая, что у меня находится то, чего они не нашли у него.

— Эти “эсэмэски” сохранились?

— Нет, я их стёр.

— Почему их послали именно вам?

— Потому что я всё время названивал Шматько, беспокоясь, куда он пропал. Он за день до этого приехал из Днепропетровска, а потом исчез, не пришед ко мне ночевать. Ну, они и “вычислили” меня по номеру.

— Зачем вы дали адвокату этот телефон?

— Ну... чтобы они разбирались между собой, а меня оставили в покое...

— А вы знаете, что они разбирались с применением гранат и пулемётов?

— Нет, не знаю... Но представляю.

— Вы понимаете, что обязаны были обратиться в милицию?

— Евгений Семёнович, — прямо сказал я, — тут вы, полковник ФСБ, никак разобраться не можете, а что уж говорить о милиции?

— А может быть, вы потому не обратились в милицию, что действительно замешаны в этом деле, а передо мной разыгрываете комедию?

Я пожал плечами. Что я мог сказать?

— А почему сейчас вы не рассказали это капитану? Вы видите, что жертвами этой истории становятся и невинные люди?

— Мне кажется, тогда одной невинной жертвой стало бы больше. А может быть, и не одной. Потому что со времён Ельцина невозможно разобраться, где власть, а где бандиты.

— Очень остроумно, — покривился полковник.

— Да совсем неостроумно! Может быть, ещё прикажете обратиться в милицию по поводу кровавой бойни четвёртого октября девяносто третьего года?

— Не будем забираться в исторические дебри. Где Шпигун?

— Что?

— Где Шпигун, я вас спрашиваю?

— Откуда же я знаю?

— Как — откуда? Вы заявили Караблуту, что передадите Шпигуну то, о чём вы якобы представления не имеете, если тот выяснит отношения с другим претендентом. Так?

— Так.

— В результате Шпигун устраивает с этим конкурентом кровавую “стрелку”, после которой остаётся гора трупов. Это уже второй такой случай за три дня. Сам Шпигун исчезает. Значит, теперь он должен звонить вам и требовать искомое нечто. Он вам звонил?

— Мой телефон отключен, — пробормотал я.

— Так включите!

Я включил. Никаких звонков зафиксировано не было.

— Пусто.

— Так-так. — Овечкин постучал пальцами по стеклу. — Надо полагать, что первая бойня, рядом с вашей работой, тоже была связана с этим делом?

— Естественно.

— Вы говорите, этот эээ... Шматько...

— Шматько.

— ... этот Шматько — из Днепропетровска?

— Приехал оттуда. Но вообще живет в Одессе.. А вот его товарищ, Гарькавый, убитый накануне у моего дома, — из Днепропетровска.

Овечкин крикнул.

— С вами не соскучишься! Ну, что вы мне выдаете информацию в час по капле? Шматько, Гарькавый...— морща лоб, стал припоминать он. — Так это те, о которых говорили по телевизору: “идёт охота за украинцами в Москве”?

— Совершенно верно.

— А сегодня постреляли боевиков грузинской группировки! Во что вы

влезли, Кольванов? Уже вызвали в грузинский МИД нашего посла в Тбилиси! Вот результат того, что вы дали Шпигуну “телефончик”!

— Ага, — сообразил я, — значит, “чёрный человек” и его компания из “лендровера” были грузины! Я почти угадал!”

— Интересно получается, — сказал я. — Оказывается, во всём я виноват! Вас, ФСБ, не очень волнует то обстоятельство, что в Москве вообще существуют грузинские вооружённые группировки, а вот когда их боевиков убивают такие же боевики и кто-то имеет наглость вызвать по этому поводу нашего посла, вы встаёте на уши.

— Не хамите, Кольванов. Наша беседа мной записывается, и если я передам эту запись в милицию, то на уши придётся встать вам.

— Ой, ой, как страшно! Никакой милиции вы её не передадите! Вы прокололись!

— В каком смысле? — оторопел полковник.

— В прямом! Знаете, какой я в себе талант открыл за эти дни? Блефа. И если я буду этот блеф продолжать, вы станете его частью.

— У вас с головой в порядке?

— В порядке, не беспокоитесь. Я вижу — вас даже подташнивает от того, что я сообщил. Лезть в это дерьмо вам категорически не хочется. Оно не только не принесёт вам генеральскую звезду на погоны, а может и лишит вас одной из имеющихся. А может, и самих погон. Эти боины в Москве, заявления министров иностранных дел, вызовы послов — не шутка. Вырисовывается какой-то международный преступный траффик через Москву, а чего — пока не известно. Это могут быть даже не наркотики и не “донорские” органы, а какие-то неизвестные сверхсекретные стратегические материалы. И вы всё это проспали. Так что меня не надо пугать — я уже пуганный. А вам в этой ситуации всё страшно. И отдать начальству запись, которую вы сейчас ведёте, страшно, и не отдать страшно, потому что я вашему начальству, если предстану пред его светлые очи, обязательно скажу, что вы такую запись вели. Поэтому я заранее отказываюсь от того, что предложите мне сейчас вы, а вам придётся согласиться с тем, что предложу вам я.

Овечкин внимательно слушал, не поднимая на меня глаз.

— Вот как вы заговорили... — после некоторого молчания промолвил он. — Откуда вы знаете, что я вам предложу?

— Ну, я же инженер человеческих душ. Изучил вас за эти минуты. Извините, но годы развала сильно сказались на вашем ведомстве — и не в лучшую сторону. Единственное, чем вы можете оправдаться перед начальством за встречу со мной, это, так сказать, завербовать меня. Будете разные пошлости предлагать: “жучок” или там “маячок” прицепить на себя. Чтобы я, значит, стал наживкой, на которую вы поймаете рыбку. Наживкой я не буду. Хотите — арестовывайте меня, хотите — нет.

— М-да... — Овечкин наконец взглянул мне прямо в глаза. — Всё больше и больше сомневаюсь я, что вы замешаны в это дело случайно, — медленно проговорил он. — Не исключено, что вы — одно из главных действующих лиц.

— Ну, это как вам угодно.

— Я не представляю, как порядочный, законопослушный человек может при таких обстоятельствах отойти в сторону. Ведь убиты не только бандиты, но, как я понял, и ваш приятель, ваша соседка...

— Последний раз, когда я не отошёл в сторону, был осенью девяносто третьего года. Я, обыватель, встал на сторону закона, пошёл в пикеты вокруг Белого дома. А вот где были ваши? Вы не просто отошли в сторону, вы стреляли в меня и в таких, как я. Вы предали, развалили, погубили страну. Я вас ненавижу.

— Мы ни в кого не стреляли, — сердито сказал чекист. — Мы...

— Ах, да, конечно, я забыл! Вы вели переговоры. Вы обещали безопасность всем, кто выйдет из Верховного Совета, но гарантировали её только верхушке. А остальных калечили, убивали на стадионе, когда вы уехали. Я вам не верю и работать на вас не стану. Вся эта бандитская мразь гуляет по стране благодаря вам.

— Вы знаете, — заявил Овечкин, — у меня есть ещё один выход, которого не предусмотрели даже вы, инженер человеческих душ.

— Интересно. Какой же?

— Арестовать вас и представить моему начальству в качестве одного из главных подозреваемых.

— Ну, это поможет вам только в том случае, если я действительно сообщник бандитов. А нет — получится, что вы тянули пустышку. Можете ещё задержать Караблута. А там, глядишь, и Шпигуна поймаете. Вот вам и организация. Только вас, товарищ полковник, всё равно по головке не погладят, если всё это окажется липой. Ведь интрига вокруг неизвестного товара не умрёт, пока я буду сидеть у вас. Кому-то он очень нужен.

— В таком случае я хочу знать: а какое, собственно, предложение хотели мне сделать вы?

— Охранять меня.

— Что?

— Приставить ко мне круглосуточный “хвост”.

— “Хвост”? Ничего не понимаю. Почему же вы, в таком случае, отказываетесь от “жучка” или “маячка”?

— Это слишком простой и дешёвый выход. Причём он сулит мне гибель, если я окажусь в руках бандитов, и они найдут на мне эти штуки. Да и техника, знаете ли, не всегда срабатывает. Я предпочитаю людей. Со своей стороны, я обещаю оповещать вас по телефону, если узнаю что-нибудь существенное.

— Вы не могли мне это сказать без тех гадостей, что...

— Нет, не мог. Мне надо было создать у вас обо мне такое впечатление, чтобы вы приставили ко мне “хвост” независимо от того, поверили мне или нет. Ведь если бы вы решили меня отпустить без “жучка” и “маячка”, вам бы не оставалось ничего другого, правда?

— Вы... — сказал Овечкин и выругался.

— С волками жить...

— Что вы там говорили о людях, которые замешаны в этом деле на Украине?

Я коротко рассказал. Полковник ещё больше помрачнел.

— Вы не сочиняете?

— Помилуйте! Это данные теленовостей и интернета. Можете проверить.

— Странно. Если у вас такие аналитические способности, то почему вы прозябаете в этом своём журнальчике, которого никто не знает?

— Я всю жизнь прозябаю. Что же мне — у вас, что ли, работать?

— Можно и у нас.

— А какая у ваших аналитиков зарплата?

Овечкин махнул рукой и спросил:

— Вы знаете, что упомянутый вами сектант Турчанинов является теперь главой Службы безопасности Украины?

— Слышал.

— По-вашему, он может играть какую-нибудь роль в этой истории?

— Весьма вероятно.

— Стало быть, и нынешнее руководство Украины тоже?

— Стало быть, и оно тоже. А если вы копнёте связи грузинской мафии, то вполне может оказаться, что нынешнее грузинское руководство тоже замешано. Оно ведь теперь с “оранжевыми” друзья не разлей вода.

Подполковник внимательно выслушал, хмыкнул.

— А потом окажется, что все нити уходят к их кураторам из ЦРУ или госдепартамента?

— Ну, это как водится.

Овечкин задумался. Потом сказал:

— Насчёт стратегических материалов вы можете оказаться правы. По одному из наших каналов поступила информация, правда, не подтверждённая пока из других источников, что грузины ищут возможность приобрести на Украине не уничтоженное вопреки международным договоренностям бак-

териологическое или химическое оружие и отравить им водозаборы в Сухуми и Цхинвали.

— Зачем? — удивился я. Ни о чём подобном я даже от армян в Нагорном Карабахе не слышал, а они любили размышлять о кознях азербайджанцев. Как, впрочем, и азербайджанцы о кознях армян.

— Затем, чтобы большинство населения и наших миротворцев перемёрли, а грузины вошли туда с минимальными потерями. Может быть, даже под предлогом помощи. Я не могу утверждать, что в пропавших чемоданах контейнеры с этим оружием, но и исключить этого нельзя. — Лицо его приняло озабоченное выражение. — Что ж, попробую получить санкцию у начальства на круглосуточное наблюдение за вами.

— Желательно, чтобы ваши “топтуны” были вооружены. Для них самих желательно.

— Разберёмся. Но предупреждаю: не вздумайте вовлечь наших людей в одну из ваших кровавых комбинаций. В этом случае вы будете просто уничтожены. У меня нет никаких оснований полностью доверять тому, что вы сейчас мне рассказали. А вот в том, что вы человек опасный, я убеждён на сто процентов. Если вы полагаете, что с моей помощью вы сможете проверить какие-то ваши делишки, а потом исчезнуть, то вы глубоко ошибаетесь. Мы вас под землёй найдем. Вот номер телефона, по которому вам следует звонить, если вы узнаете что-нибудь важное. Нет, не надо его записывать. Запоминайте. Память у вас, судя по всему, хорошая. Но по вашему мобильному мне звонить не надо. Держите другой, сдадите его по окончании операции. — Он протянул мне не очень новый аппарат “Нокиа”. — Теперь идите.

“Куда?” — хотел спросить его я, но вспомнил, что играю в независимость, и молча вылез из машины. Овечкин высунулся из дверцы со своей стороны, знаком подозвал одного из мордovorотов, и через некоторое время я обнаружил, что тот следует за мной в метрах двадцати.

* * *

Я снова пустился в бесконечный, бессмысленный путь по городу. Ветер дул вдоль улицы, подгонял меня в спину. Этот город был завоёван, но я не знал точно, кем. Завоевателем мог быть любой человек, идущий мне навстречу. Мы подписали невидимый акт капитуляции. В этом городе мне не принадлежало ничего, даже моя квартира, куда приходили, как на вокзал, с какими-то страшными чемоданами и уносили их, не ставя меня об этом в известность, где взламывали двери, пытали и убивали людей... Я бежал от кого-то, и кто-то меня преследовал. Я лишь приблизительно знал, зачем, но столь же мало знали мои преследователи, — иначе бы они просто меня пристрелили или оставили бы в покое. Мы жили в злом, исковерканном мире, где кто-то должен был умереть сегодня ради того, чтобы кто-то жил завтра. Я не мог доказать этим людям, что именно моя-то смерть абсолютно не нужна им. Да и зачем? Ведь никому не нужна была и моя жизнь. Мне было под сорок. Я не совершил ничего замечательного или даже просто важного. Живу я или нет, ни для кого не имело значения. Моей смерти просто никто не заметит.

На тёмный тротуар падал свет от витрин дорожных магазинов и кафе. Беззвучно шевелились губы сидящих за столиками людей. Их отделяло от меня вовсе не стекло, — они жили в мире света, пусть и электрического, а я всё больше погружался в мир тьмы. Если бы я и зашёл к ним туда, в свет, полный музыки и звона бокалов, то зашёл бы как сгусток ночи. Под окнами стояла мешковато одетая молодежь, вспышки сигарет освещали бледные прыщавые лица. Они, наверное, хотели туда, внутрь, да, вероятно, не хватало денег. Но всё равно они были счастливее меня, живущего по эту, тёмную, сторону ночи. Разве что божж, лежащий на скамейке в стеклянной автобусной остановке, пребывал в том же мире, что и я. Там, на свету, были люди, а мы с ним были тени. И незримо витала где-то рядом неприкаянная душа замученной Гали — женщины в мужских трусах.

Скоро я буду таким же, как этот бомж. Квартиры, считай, у меня уже нет. Во всяком случае, ночевать я в ней не собираюсь. На работу идти мне так же опасно, как и домой. Что ж, за всё в жизни приходится расплачиваться. Когда-то я изучал мир городского дна, желая написать о нём рассказ или повесть. И вот однажды, будучи по какой-то надобности на Курском вокзале, я увидел бродягу в драповом пальто образца 40-х годов прошлого века и решил за ним понаблюдать, чтобы узнать, как говорится, детали. Бомж направлялся в буфет. Там он попросил налить ему в бутылку кипятку, заткнул её бумажной пробкой и пошёл вместе со своим узелком, из которого торчало какое-то невообразимое тряпье, искать свободное место. Когда он его нашёл, пространство вокруг него моментально очистилось в радиусе двух метров. Я присел напротив, но всё же немного наискосок, и притворился, Чехов недоделанный, что читаю газету. Первым делом бомж снял свои разбитые офицерские полуботинки с дырищами на подмётках величиной с куриное яйцо и с наслаждением пошевелил пальцами. Аромат в воздухе распространился необычайный! Я огромным усилием воли подавил желание покинуть “зону поражения” и продолжал наблюдать за ним поверх газеты, дыша ртом. Бомж развязал узелок, нашёл там, напевая, грязный бумажный пакетик с сахаром, откупорил бутылку и осторожно, стараясь не уронить ни песчинки, высыпал сахар в кипяток, потом снова закупорил бутылку, хорошенько взболтал содержимое, подмигнул мне и стал тянуть воду из горлышка, заедая её какой-то корочкой. Это был его ужин.

Между двумя глотками он поведал мне языком интеллигентного человека о полезных свойствах подсахаренной воды. О прочем я его спрашивать не решился и ушёл, неудачливый исследователь городского дна.

Я ушёл и с тех пор иду мимо них, скорчившихся у вентиляционных решёток метро... Мимо старухи с землистым, предсмертным лицом, на ногах у которой в лютой мороз вместо обуви — куски ватного одеяла, связанные верёвкой.... Мимо девушки в тонких вельветовых джинсах, сидевшей, обхватив голову, прямо на ледяной мостовой... Детей она уже рожать не сможет, а мочиться до самой смерти (видимо, уже недалёкой) будет кровью... Я иду мимо них, иду... Одни стоят — “умираю с голоду, подайте на пропитание!”, другие — “подайте на корм для бездомных котов!”. На котов и собак, я заметил, дают побольше... Одному моему знакомому было вразумление выше. Он котов любил, держал их дома до восьми штук, да ещё подкармливал бездомных. И вот один его кот пропал. Он попросил в ЖЭКе ключ от подвала и спустился туда с фонарём. Кота он не нашёл, зато нашёл зеленоватую мумию бомжа без следов разложения. А мы говорим — гексоген... Рядом с мумией валялся нехитрый бомжевый скарб, кастрюля, высохшие остатки картошки. Видно, недоужинал... Знакомый, трясясь, побежал к другу, а тот ему сказал: “Рехнулся ты со своими котами, говорил тебе: не лезь в подвал!” И действительно — зачем искать котов там, где могут быть мёртвые люди!

На Пушкинской, у выхода из метро, несколько месяцев назад едва ли не каждый день встречал меня человек, наряженный скоморохом. Он раздавал рекламные объявления. А ещё раньше он был “человеком-бутербродом” — рекламировал автомобильные масла. Он представлялся поэтом и оппозиционным журналистом, утверждал, что выучил древнееврейский язык. Писал он энергично, но сумбурно и темно — ничего из принесённых им в редакцию вещей я напечатать не смог. Последняя статья называлась, кажется, “Отражение православного миропонимания в монументальном искусстве”. Ещё он обещал написать очерк о “люли” — таджикских цыганах, живущих в подмосковных лесах, принёс даже два цветных негатива, запечатлевших их стоянку, но с самим очерком, видимо, что-то не заладилось. Да и я хорош: разве непонятно, что человеку, раздающему рекламные объявления в наряде шута и пишущему о православном миропонимании в монументальном искусстве, писать о люли “не в кайф” — они, что называется, для него “социально близкие”.

Он широко улыбается, завидев меня, иногда окликает, если я не вижу его, мы здороваемся, он с ходу заводит какой-нибудь “оппозиционный” разговор, иногда, взяв за локоток, провожает меня пару кварталов. Чёрная борода лопатой, скоморошеский колпак с бубенцами... Прохожие плятятся на

меня с улыбкой: к клоунам-то этим они на улицах привыкли, а вот к чудакам, с серьёзным видом беседующим с ними, ещё нет. И я, тайный раб предрассудков, под благовидным предлогом убегаю от него, как убегаю от более несчастных его собратьев, всучив им какую-нибудь мелочь. Но далеко от них не убежишь — их “много на каждом километре”... У дверей редакции маячит другой мой знакомый, утверждающий, что присматривает за моей машиной, коей у меня нет...

Я бегу от них, как бегают от собственной тени. Мои погибающие братья, которых я, пусть мимоходом, использовал в своих произведениях, ждут меня за каждым поворотом. Так жизнь мстит литературе. Шёл я недавно мимо Каланчёвской площади. На скамьях между Ленинградским и Ярославским вокзалами шевелились кучи старого тряпья: пробуждались мои герои. Никогда я не видел их так много в одном месте! Они скрипели зубами, потягивались с медленной, смертельной истомой, тупо, монотонно чесались, далеко запустив под обноски руки, сидели, обхватив нечёсанные сальные головы, отхаркивали туберкулёзную мокроту...

Я прибавил шаг, я почти бежал, как сквозь строй, старательно, до боли в шее, отвернув голову в другую сторону. И тогда молодая женщина, сидевшая в этом скорбном ряду теней последней, завывала. Ноги у меня сразу ослабели, я споткнулся и чуть не упал. Эта женщина, лица которой я не видел (оно было закрыто свесившимися до пояса чёрными волосами), кричала так, что не было нужды гадать, отчего она так кричит. Так не воют обиженные, ограбленные или избитые люди. Так воют те, в ком ещё один день жизни вызывает неописуемый, метафизический, ни с чем не сравнимый ужас.

Я бежал, держа в нелепо вытянутой руке сумку, а голова моя смотрела назад, как у фигур на древнегреческих вазах. Внезапно, одним ударом, в привычной картине бытия была пробита чёрная, зияющая дыра — и нёсся из неё этот жуткий, нечеловеческий вой, от которого не то что стыла, а, казалось, сворачивалась кровь в жилах.

“Господи!” — закричал я, не разлепив уста, и на бегу ударился в столб. “Господи!” — чугунным звоном отозвалось у меня в голове. Я сел с размаху на асфальт, больно ударившись копчиком. Ещё секунду назад было утро, и вдруг наступил вечер. Кто-то подхватил меня под локоть, помог подняться. “Живой?” Я закивал, как пьяный: “Живой, живой!” Чуть выше левого уха я нащупал здоровенную шишку, увидел на пальцах кровь. От удара я оглох и не слышал, воет ещё женщина или нет. Я достал деньги, на ватных ногах пошёл к скамейкам. “Эй, а сумка!” — окликнул меня участливый прохожий. Я послушно вернулся за сумкой. Когда я снова оказался у скамеек, они были пусты, а рядом стоял мент, ловко вращающий резиновую дубинку вокруг кисти. Бомжи рассредоточились. Начался их день. Мент с любопытством смотрел на деньги в моей руке.

“Как я смешон! — подумал я. — Деньги... путешествие из Петербурга в Москву... Взглянул я окрест... Литератор Кольванов, проходя с книгами мимо Николаевского вокзала, проявил милость к падшим... Раскольников и городской... Униженные и оскорблённые... “По скверам, где харкает туберкулёз, где блядь с хулиганом да сифилис”... И ужас, ужас... Кричал предсмертным криком человек — и что? Что?”

В который раз я сказал себе: “Уходи” — и ушёл.

Забудь, говорил я себе. Напрасные усилия! И не в совести даже дело, а в том, что эта скамейка скорби была бесконечной — и было на ней место и для меня, и для миллионов таких же, как я. Одно неверное движение, один неверный шаг...

И вот, похоже, я его сделал, ввязавшись в историю с чемоданами.

Иногда я думаю, что, может быть, смысл нынешних беспощадных времён в том, чтобы зёрна отделились от плевел, сгинули супостаты и восторжествовали праведные? И точно: хотя супостаты всё ещё в силе, но в лицах их мы уже читаем какую-то печать обречённости. “Полки рдеют год от года”... Но сколько их ещё, этих годов?

А нищих духом, “братьев наших меньших”, менты увозят подышать на свалку... Ударят заморозки — и валяются по городу десятки трупов... Но,

может быть, и мои герои, и я сам — тоже тяжкий груз на ногах ждущей об-новления России, и мы тоже должны уйти, “как проходит косой дождь”? Уйти, исчезнуть, раствориться... Мы — позор России, мы не люди, а тени людей...

Но что-то мне подсказывало, что нет в моём рассуждении правды. Старое дерево в лесу гибнет не оттого, что смерть его нужна молодым деревь-ям. Оно, пусть неказистое, пусть корявое, гибнет *в свой* срок. И вот тогда, когда оно гибнет, лес — системой корней и подземных вод — забирает его соки, его *силу*. Не бывает такого в природе, что лес сам по себе, а деревья сами по себе. Но почему же так сплошь и рядом происходит между людьми и человечеством? “Откуда, как разлад возник? И отчего же в общем хоре душа не то поёт, что море, и рошчет мыслящий тростник?”

Я стоял на границе света и тени. За углом маячил “топтун” с Лубянки. Бомж спал в стеклянной остановке, как царевна в хрустальном гробу. Я, выпавший по прихоти судьбы из тепла и света, буквально физически ощущал, как они глядят на меня из нездешнего полумрака, лица встреченных мною в жизни бродяг и алкашей... Что ни год, они всё сильнее уходят в темноту. Там, за тонкой гранью, что разделяет их жизнь и жизнь так называемых нормальных людей, живут миллионы теней. Нация и антинация... А ведь случись, не дай Бог, большая война, многих из этих “призраков” стоит только поднять из грязи, почистить, покормить, обуть-одеть, дать в руки авто-мат — и будут они защищать Родину не хуже, чем мы, “живые”. Хроника 41-го: стоят ополченцы со старенькими мосинскими винтовками — лица ти-пичных завсегдагаев пивной. Через несколько часов они вступят в бой, из-расходуют те пять патронов, что им выдал на брата великий, могучий Совет-ский Союз, и будут, не ведая страха и усталости, колоть ржавыми штыками мускулистых и тренированных зигфридов.

Как в мире природы нет и единицы лишней, не нужной энергии, так нет её и подавно в том таинственном и непостижимом, что составляет жизнен-ную энергию человечества. Избавившись от “лишних” — пусть пассивно, в порядке некоего гнусного эволюционного закона, — мы не станем сильнее, мы, напротив, значительно ослабеем, как слабеет лес, который вырубают де-лянка за делянкой в шахматном порядке. Я видел такие леса в Карелии: тя-нущая на десятки километров среди старых, в два обхвата пней, ряды хилых, впритирку стоящих друг к другу ёлочек и сосенок. “Озеленители”, видимо, думали, что, чем больше они воткнут в землю молодых побегов, тем луч-ше — особенно для проверяющих из центра. У карликового леса тоже есть единая энергетическая система, но со знаком “минус”: деревья-уродцы не да-ют друг другу расти. Но проку не будет, даже если вырубить половину из них. Ведь ёлочки хотя и маленькие, но старые, и расти они больше не бу-дут... Нет смысла их рубить, как не было смысла Раскольникову убивать ста-руху-процентщицу...

Для общества, сознательно “освободившегося” от “лишних” людей, страшна не только утрата коллективной жизненной энергии, ему страшны проклятья загубленных напрасно, ибо это тоже энергия, но чёрная, страш-ной разрушительной силы. Мы не двинемся с места, откуда нас окружа-ют их скорбные тени. Ведь они — “без определённого места жительства”, — а коли так, они нигде и везде, они ушли, но останутся с нами навсегда.

“Я не лишний, я ещё нужен вам!” — рождалась где-то в глубине меня заискивающая мысль, когда я смотрел на тех, кто веселился за чертой тьмы.

Зазвонил мобильник. Давненько меня не беспокоили... Что ж, давайте покалякаем, отморозки. Я достал телефон, на дисплее высветилось: “Роди-тели”. В панике я нажал отбой и отключил устройство.

Вот о ком я почти не вспоминал все эти дни! А напрасно! Им-то я ещё нужен! Надо было давно позвонить родителям из автомата, предупредить, чтобы не звонили мне ни домой, ни на сотовый. Ведь “вычислят”, придут, сделают то же самое, что с Галей... Господи, не допусти! Старики-то в чём виноваты? Я запаниковал.

Что, если мама или папа попали на бандитов, когда звонили мне вчера вечером, и их уже “вычислили”? Может, и сейчас мне звонят вовсе не ро-

дители, а их незваные страшные гости? Надо это срочно выяснить и, если моё предположение подтвердится, упасть на колени перед Овечкиным, согласиться на все его условия, только бы стариков спрятали куда-нибудь! Они единственное, что дорого мне в этой жизни.

Я достал дрожащими руками “эфэсбэшный” мобильник, но тут же передумал по нему звонить: он наверняка прослушивался. Я огляделся и увидел за стеклянными дверями кафе, в фойе, таксофон. Покосившись на своего “тоштуна”, я кушил в табачном киоске напротив телефонную карту, зашёл в фойе и набрал номер родителей.

— Алло! — ответил мамин голос.

— Мамочка! Здравствуй! У вас всё в порядке?

— Господи, Вася! У тебя самого-то всё в порядке? Мы уж не знаем, что и думать! Сначала по телевизору сказали, что у твоего дома какого-то украинца убили. Но на следующий день сообщают, что рядом с твоей работой жуткая перестрелка. А ты не можешь даже нам позвонить, сказать, что с тобой! Разве так делается? Хорошо, я сегодня сама позвонила в редакцию, и мне сказали, что ты жив-здоров, был на работе, но уже, видимо, ушёл. Сам ты не звонишь, сотовый твой не отвечает, домашний тоже...

Я замер.

— А когда вы звонили домой?

— Да вчера звонили и сегодня...

— И никто не снял трубку?

— Нет... А кто её должен был снять, кроме тебя? У тебя кто-то гостит?

Я облегчённо перевёл дух.

— Нет, то есть да, но уже не гостит... А вам домой никто не звонил насчёт меня?

— Нет. А кто был должен звонить? Вася, что случилось?!

— Мамочка, лично со мной ничего не случилось, но... у меня — неприятности.

— Я как чувствовала!!! Что за неприятности? Рассказывай!

— Не волнуйся, мамочка, со мной всё в порядке. А вот Шматько... Помнишь моего однокурсника Шматько?

— Это из Одессы, такой весёлый?

— Точно, из Одессы, весёлый. Но он уже не весёлый... потому что не живой. Его убили. Здесь, в Москве.

— Да что ты говоришь? Как — убили? Кто убил?

— Не знаю. Конкуренты по бизнесу. Или партнёры. Он же был бизнесмен.

— Боже мой! Постой, я слышала такую фамилию по телевизору — Шматько... Его убили в Битцевском парке? Маньяк?

— Думаю, всё гораздо серьёзней. Понимаешь, он ночевал у меня, но на следующую ночь не пришёл. А днём передали, что его убили. А накануне убили того самого украинца, о котором ты говорила. Он приехал со Шматько и тоже ночевал у меня.

— Да что ты говоришь?!

— А вчера вечером кто-то взломал мою квартиру, затащил туда Галю — помнишь мою соседку Галю, пьяницу? — пытал её, а потом убил.

— Вася, ты что, шутишь?

— Мамочка, мне не до шуток. Не звоните мне больше ни домой, ни на мобильный. Я сам вам буду звонить. Домой я пока приходить не буду, от греха подальше.

— А где же ты будешь жить? Приезжай к нам!

— Ни в коем случае. Ты видишь, эти бандиты что-то ищут вслепую, убивая всех на своём пути. Им всё равно — Галя, я или вы. Поэтому я хочу, чтобы и вы тихо съехали куда-нибудь недельки на две. Вы можете поехать к Галине Тимофеевне?

Галина Тимофеевна — это была родственница отца, имевшая дачу под Москвой.

— Не знаю... — неуверенно сказала мама. — В прошлом году они нас звали, но мы не поехали. Сам знаешь, сидеть сложа руки там не будешь,

нужно над парниками и грядками спину гнуть... Опять же полив. Здоровье уже не то. Я могу позвонить, узнать...

— Звони. Или пусть лучше отец. И не просите, а напрашивайтесь. Понимаешь, милиция теперь никого ни от кого и ни от чего не защищает.

— Да мы знаем... — вздохнула мама. — А ты тоже туда приедешь?

— Нет. Это опасно, могут выследить.

— А где же ты будешь жить? У нас?

— Может быть, — солгал я. — Звоните Галине Тимофеевне прямо сейчас. А я позже перезвоню, узнаю, как дела.

На самом деле я и мысли не допускал, чтобы дать возможность бандитам выйти не только на след моих родителей, но даже их квартиры. Я рассчитывал, что им потребуется на это время. Мы разменяли нашу общую “двушку” на две однокомнатные квартиры уже довольно давно, в середине девяностых. Причём обмен был не прямой. И прежней нашей “хрущёвки”, славу Богу, уже не существует: её сломали и выстроили на том месте коммерческую “высотку”. Сломали и соседние дома. Найти теперь ЖЭК, где можно выяснить новый адрес родителей, будет непросто. Правда, продавались “левые” компакт-диски с телефонной базой данных Москвы, но в них, я знал, указаны наши прежние телефоны и адрес.

Конечно, при желании и деньгах всё можно найти, но пока, судя по тому, что насчёт меня никто родителям не звонил, ни одной бандитской группировке не удалось это сделать. Да они, может быть, и не догадались ещё искать моих родителей, чтобы взять их в заложники. Но обязательно догадуются. Поэтому я должен не прятаться, а гнуть выбранную мной с самого начала линию: быть на виду, блефовать, вызывать огонь на себя и вовремя “переводить стрелки”. Потому что на самом деле есть ещё люди, которым я нужен — отец и мать. Их не сможет спасти не только милиция, но и Овечкин. Не такой уж он профессионал: как-то пропустил мимо ушей моё сообщение о чемоданах, не стал толком расспрашивать о Шматко и Гарькавом, а соответственно, и не узнал ничего о Безносовой. Я думаю, капитан Шабров выудил бы из меня больше.

Чтобы мои старики были в безопасности, я должен идти туда, где меня ждут — в свою разгромленную квартиру.

* * *

Первым делом, стиснув зубы и почему-то стараясь не дышать, я скатал ковёр вместе с окровавленными полотенцами, вытащил его на лестничную площадку, держа за один конец, и поставил в углу. Вынесу, когда пойду на “мусорку”. Потом взял швабру с мокрой тряпкой и стал с остервенением тереть пол в том месте, где кровь просочилась сквозь ковёр. Грязную тряпку я не стал выжимать, стряхнул прямо со швабры в мусорное ведро и достал другую, чтобы пройтись второй раз. Хорошо, что у меня линолеум, а не паркет, а то бы я не смог вымыть засохшую кровь из всех трещинок. Пришлось бы скоблить пол, чтобы страшное пятно не проступало при перемене освещения. С одеждой, нижним бельём я справился быстро: расстелил на полу затоптанную ногами убийц простыню, покидал на неё всё ношеное и затоптанное во время “шмона” и связал в узел. Со всем этим тряпьем давно следовало поступить так, да как-то руки не доходили. Разлетевшиеся странички рукописей собрал в одну кучу, не глядя, — потом буду разбираться. Так же поступил с фотографиями. А вот с книгами оказалось сложнее. У всех литераторов они стоят по годами заведенному порядку, чтобы можно было с закрытыми глазами подойти к полкам и достать нужный том. Расположение книг — это видимая часть внутреннего мира писателя. Если я сейчас стану ставить книги без разбора, то очень скоро мне придётся делать всю работу заново, потому что можно жить среди разрушенной мебели и осыпающихся стен, но нельзя жить с разрушенным внутренним миром. “Ах, ты собираешься жить! — усмехнулся я над собой. — Но немало людей имеют другое мнение на этот счёт! Плюнь на внутренний мир и расставляй книги наугад. Сле-

лаешь, как положено, если выживешь, — будет даже приятно”. Нет, ответил я сам себе. Мой внутренний мир не зависит от того, когда я умру. Пусть рушится твердь, и небеса падают на землю, а книга должна стоять там, где стояла. Всеобщий беспорядок не есть доказательство отсутствия высшего порядка. Напротив, даже одно соблюдаемое правило посреди полного беспорядка говорит о неприменном торжестве закона. Ещё не видя иконы, мы знаем, что она висит в восточном углу. Её может там и не оказаться, но если она есть, хотя бы в одном доме из ста, значит, закон неизблем. Так и с книгами: их может не быть, но если они существуют, то не могут стоять или лежать в неведомом хозяину порядке.

Тут я очнулся и словно увидел себя со стороны: стою над свалкой книг и размышляю о видимом отражении невидимого мира. Как бы ни загоняла меня действительность в угол, я всё стараюсь от неё спрятаться, хотя бы мысленно. Об иконах для красного словца вспомнил! А где твои иконки? Глянул ли ты в тот угол, где они должны стоять? Я повернулся, посмотрел: иконки, и впрямь, стояли, не потревоженные, на верхней полочке, а между тем с соседних полок всё было сметено. Это придало мне сил; я стал собирать книги и расставлять их в прежнем порядке. Иногда я ошибался, менял тома местами, но в целом, к моему удивлению, работа пошла быстро.

Потом я навёл порядок на кухне и в прихожей, подмёл там, вымыл пол. Всё оказалось не так уж и сложно. Ещё я сделал несколько ходок на помойку: сначала отнёс узел с одеждой и бельём, ведро с тряпками и мусором, а затем ковёр, предварительно обвязанный бечёвкой, чтобы мне к нему не прикасаться. Когда я его тащил за импровизированную ручку, он переломился посередине и стал напоминать человеческое тело. Поэтому, увидев щель в двери бабки Липы и в щели — взыскующий глаз, я внятно сказал, проходя:

— Выношу очередной труп!

Дверь с треском захлопнулась.

Под конец я вынес завёрнутый в газеты стул, на котором приняла смертные муки несчастная Галя. За всем этим из припаркованной неподалёку от подъезда “четвёрки” наблюдали, вероятно, не без удивления оба моих “ангела-хранителя”, сменившие овечьинского “мордоворота”. Может быть, даже сообщили шефу по мобильнику о моих подозрительных походах на “мусорку” с не менее подозрительными предметами. Не исключено, что сейчас на помойку отправилась спецгруппа: проверять, что я там спрятал в узле и ковре.

Вернувшись, я тщательно вымылся под душем. “А всё-таки хорошо, что есть “наружка”! — думал я. — А то бы дёргался, ожидая, что бандюги застукают меня с минуты на минуту гольшом. Дверь-то взломана!”. Впрочем, ничто не мешало бандитам зайти и при наличии “наружки”. Никто за ними бы не последовал из соображений конспирации. Знак тревоги, как сказал человек, позвонивший мне по “эфэсбэшному” мобильнику, я должен был подать нажатием зелёной кнопки этого же мобильного, на котором в положении “посмотр.” был выставлен номер телефона дежуривших чекистов. В общем-то, не очень надёжный приём, потому что нежелательные гости едва ли дали бы мне возможность засунуть руку в карман. Поэтому мне рекомендовали запасной сигнал тревоги: потушить постоянно горящий на кухне свет. Но это тоже не в любой ситуации можно сделать. Например, “братки” готовятся меня связать и пытать, а я им говорю: “Извините, пожалуйста, мне надо выключить на кухне свет, чтобы зря не нагорало на счётчик”. Так, что ли? В крайнем случае, мне предлагалось разбить окно. После этого, очевидно, меня сразу застрелят.

Я вышел из ванной, погасил в ней свет и уже механически хотел сделать то же самое со светом на кухне, но в последний момент отдёргнул руку. На меня напал приступ идиотского смеха. Вот уж сигнал так сигнал! Да любой обыватель, замордованный Чубайсом, на уровне рефлекса тянется потушить ненужное электричество! Все мои походы на кухню, в ванную и туалет будут заканчиваться лунатической попыткой щёлкнуть кухонным выключателем! И когда я забудусь и всё-таки щёлкну, мои чекисты с оружием на взводе выскочат из “четвёрки”, побегут на мой этаж и со страшным криком “На пол, суки!” ворвутся в квартиру. И увидят меня в тапочках.

Я вошёл в прибранную комнату, огляделся. Без ковра непривычно, а так ничего. Вот она, новая жизнь, без трупов и крови!.. Пока не появились новые...

Никуда я уже не спрячусь от воспоминания об этом истерзанном трупе... Прибирайся, не прибирайся, а квартирка моя уже имеет полное основания именоваться нехорошей, как у Булгакова... Выживу, буду менять. Как у Толстого: “е. б. ж.” — “если буду жив”... Но я едва ли здесь буду жив. Я — живая приманка.

Слава Богу, у родителей всё решилось с дачей, о чём я узнал, позвонив им из автомата в переходе.

Но к мысли о том, что нормальной жизни и, может быть, жизни вообще у меня больше не будет, я всё никак не мог привыкнуть и, закурив, стал машинально соображать, как бы мне завтра вставить новый замок. Вот уж нет ничего глупее! Что-что, а замок сломают в первую очередь. “Тебе вообще ничего не надо делать”, — сказал я себе.

Что ж, тогда не мешает чего-нибудь съесть. Я побрёл на кухню, где горел вечный свет, обследовал колымские закоулки холодильника. Остатки украинской трапезы, пяток яиц, кусок плесневеющего сыра, пара сморщенных сосисок... Мои страшные гости не пользовались этими запасами, побрезговали. Даже полбутылки “Путинки” оставили. А я вот так живу! При виде яловичины, сала и свиной колбасы, уже несколько заветренных, в памяти всплыли трупы Гарькавого и Шматько, и я решил ограничиться яичницей с жареными сосисками.

Я зажег газ, поставил на огонь сковородку. Когда сосиски и яйца весело зашкворчали на ней, в дверь раздался звонок.

Я рефлекторно слотнул слюну. Не дали поесть напоследок, суки! Я выключил газ, достал из холодильника “Путинку”, сделал изрядный глоток. Руки тряслись, горлышко стучало о зубы. “Для анестезии”, — гадко пошутил я над собой, тварью дрожащей. В глубине души у меня ещё теплилась надежда, что это не бандиты. Зачем им звонить, когда открыто? Может быть, бабка Липа пришла новый труп посмотреть? Или чекист прибежал “отлить”? Я подавил водочную отрыжку, перекрестился и пошёл к двери.

— Кто там? — откашлявшись, деревянным голосом осведомился я.

— Это я, — ответил женский голос.

Вика, что ли?! А за ней — “авторитеты”, приставившие ей дула к затылку? Я распахнул разбитую дверь, покачивавшуюся в волнах сквозняка.

На пороге стояла накрашенная, в “выходном” платье Вика — одна. Я заглянул ей за плечо, направо, налево — никого. Сама, что ли, пришла?

— Ну я же тебя просил... — простонал я.

— Мне можно войти? — прошептала она.

Мне бы надо было её прогнать, но я помнил, что она-то меня не прогнала, когда я давеча заявился к ней. Да и поздно, наверное. Если за квартирой наблюдают не только “эфэбэшники”, но и бандиты, они её, голубушку, уже “отсканировали”.

— Заходи, — вяло посторонился я. — Но учти: выйти может оказаться сложнее.

Вика выпрямила стан и решительно шагнула в мою нехорошую квартиру, косясь на покорёженную дверь.

— Что это?

— Что, что?! Я тебе разве не говорил, что? Не поверила? Или захотела на кладбище? Отсюда только недавно вынесли труп соседки! Ну какая нелёгкая дернула тебя приехать? То тебя месяцами здесь нет, а то вот — здравствуйте! Я только-только всё уладил, чтобы никого больше не впутывать в это дело! Ну, что мне теперь с тобой делать?

— Какой труп, где? — в страхе озиралась она.

— Вынесли, говорю! — махнул рукой я. — Пошли на кухню.

Она, уже забыв об осанке, послушно защёлкала каблучками на кухню. Я хотел, чтобы её увидели в проёме окна чекисты. Пусть хотя бы отвезут её домой, когда она выйдет. Или знают, что спасать нужно двоих.

На кухне Вика недоумённо уставилась на яичницу с сосисками. Та прекрасно “дозрела” на горячей сковородке, желток подернулся аппетитной беловой плёнкой.

— Садись, будем ужинать, — предложил я и снова схватился за “Путинку”.

Вика смотрела на меня, раскрыв рот. Я “добыл” из горлышка бутылку и по мужской привычке поставил её под стол. Убрал, так сказать, со стола “покойника”.

— Ну, чего стоишь? — Я достал тарелки, разложил на них нехитрую трапезу. Поскольку Вика по-прежнему стояла, а мне зверски захотелось закусить, я сел и стал есть яичницу.

— Я тебя ещё никогда таким не видала... — пробормотала Вика.

Я отложил вилку. Облегчающей жаркой волной из живота к голове поднималось опьянение.

— Виктория, тебе чего, собственно, надо? Я, например, на себя смотреть вообще бы не стал. А тебе зачем? Острых ощущений захотелось?

Она сцепила пальцы, заговорила путано:

— По телевизору сообщили... новая бойня в Москве... я подумала... а ты запретил звонить... но ведь приходиться не запрещал... и я...

Идиот! Или она — идиотка! Ведь если нельзя звонить, то нельзя, наверное, и приходиться!

Вика замолчала.

— Ну, и дальше что? — туно пялился на неё я.

Она заплакала.

— Я тебя люблю... Ты мой мужчина... Тебя могут убить...

Хмель моментально слетел с меня. Я даже привстал. Она *меня* любит?

— Так почему же ты?..

Она отвернулась.

Так, подумал я, она меня *любит*. И нашла удивительное время для того, чтобы сказать это. Я — её мужчина. Она — моя женщина. И она беспокоится обо мне.

Это было приятно. Во всяком случае, ничего другого приятного в моём нынешнем положении не было. Я подошёл к ней, обнял за плечи. Она задрожала. Стало быть, её темперамент в постели — не просто темперамент? Я — её *мужчина*? Чудеса!

Вика повернулась ко мне. По лицу её текла тушь.

— Я не хочу, чтобы тебя убивали, — всхлипывала она. — Прости меня... Я гордая и... и... глупая. Но я... твоя. Твоя, слышишь? Поэтому и пришла.

А, пропади оно всё пропадом! Растроганный, я целовал её шею, плечи, совершенно не заботясь о том, что доставляю немалое развлечение филёрам, пялившимся из машины на окно кухни.

— Я, кажется, не вовремя? — спросил у меня за спиной знакомый женский голос с немосковским выговором.

Я быстро обернулся. В дверном проёме кухни, как в раме картины, стояла Юлия Безносова, одетая лишь в целлофановый плащ-дождевик, схваченный пояском у талии, — но через мгновение я понял, что это не целлофан, а платье такое, сплошь прозрачное, не скрывавшее трусов и отсутствие лифчика.

— Дверь была открыта, — сказала Безносова, без всякого смущения внимательно разглядывая нас.

Я был настолько удивлён её появлением, что даже не нашёлся, что ответить. Почему она здесь? Она одна или?.. Два совершенно противоположных желания возникли во мне: прогнать Безносову, ибо она появилась более чем некстати, в тот редкий момент моей жизни, когда женщине удалось меня растрогать, — и задержать её всеми возможными способами, — ведь другого случая встретиться со столь важным свидетелем или даже соучастником кровавого “чемоданного дела” могло и не быть.

Поэтому я молчал, раскрыв рот, и Виктория, видимо, поняла моё молчание по-своему.

— Ну, я пошла, — сказала она каким-то потусторонним голосом и, естественно выпрямив спину, двинулась прямо на Безносову, словно не видя её. Безносова спокойно посторонилась.

— Вика, стой, ты, наверное, не так... — воскликнул я и бросился за ней.

— Подожди, — схватила меня за руку Юлия. — Надо поговорить.

— Надо всё же звонить в дверь, даже если она открыта! — бешено зашептал я. — И чего ты вырядилась, как блядь, — трусы видно, сиськи? Так и по улицам ходишь? Уж ночь на дворе! На работу, что ли, вышла?

Безносова криво улыбнулась.

— А тебе какое дело? — Она втянула носом воздух. — Пьяный, что ли?

Я вырвал руку из её руки.

— Жди меня здесь! Я сейчас. — И побежал догонять Вика.

В подъезде её уже не было. Я, как был, в тапках, сбежал вниз, выскочил на улицу. Виктория, в сбивчивом ритме, щёлкая каблукочками, уже заворачивала за угол дома, направляясь к проезжей части. Я зашлёпал в слетающих тапках за ней, крича: “Виктория, Виктория!”, — что означало “победа”, но, очевидно, не моя. В ноздри летел тополиный пух, которого ещё днём не было. Я чихнул. Вслед за этим зачихал мотор “эфэсбэшной” “четвёрки”, которая, видимо, намеревалась следовать за мной.

Я добежал до угла дома и увидел в свете фонаря на обочине шоссе Вика с поднятой рукой и притормаживающую возле неё легковушку.

— Стой, стой, я объясню!.. — орал я, но Вика села на заднее сиденье, хлопнула дверцей, и машина укатила.

Матерясь, я вытащил мобильник, нашёл, путаясь (выскочил стоящий на “посмотре” номер филёров), телефон Виктории в “записной книжке”. Пошёл один длинный гудок, другой, а потом — обрыв связи и короткие гудки. Отключилась.

Рядом мягко скрипнули тормоза. Водительское стекло “четвёрки” опустилось, и сидящий за ним лысоватый мужик негромко спросил:

— Есть проблемы? — Именно этот голос и диктовал мне условные сигналы тревоги.

— Есть, — сквозь зубы сказал я. — Не запомнил номер той машины, что отъехала.

— Я запомнил, — кивнул мужик. — Передам патрульной службе, водителя остановят и проверят. Что ещё?

— Женщину, которая сейчас вошла ко мне, выпускать нельзя. Она прямо связана с двумя первыми убийствами в этом деле. Вызовите подмогу, что ли, установите за ней слежку.

— Мы уже запутались в ваших женщинах, — сказал не видимый мне напарник лысоватого. — А эту, которая сейчас вышла, выпускать можно?

— Надо, чтобы она добралось целой и невредимой до дома. Пусть водителя, действительно, задержат как можно дольше... Пусть проверят всё, от документов до состояния запаски, а ей в это время остановят другую машину. Она никакого отношения к этому делу не имеет.

— Знать бы ещё, что за дело, — буркнул невидимый.

— Начальство знает, — философски заметил лысоватый, видимо, старший в тандеме. — Передай сообщение о машине.

В салоне запищало, затрещало, замигал огонёк рации, осветивший на миг напарника — это был молодой парень с калмыковатым лицом.

Я пошёл было обратно, но вернулся. Старшой снова опустил стекло.

— А на чём приехала эта... в прозрачном платье?

— На чёрной “тойоте”, — ответил он.

— Одна?

— Вышла одна.

— А где “тойота”?

— Да вон, у подъезда стоит. Мы с одной стороны, они с другой. В машине, кроме водителя, ещё два мужика. Есть какие-то проблемы?

— Есть. Это опасные бандиты. Наверняка до зубов вооружены.

— Так что же с ними делать?

— Не знаю, — развёл руками я. — Я могу лишь задержать эту девушку подольше.

— Запросить инструкции?

— Да, — с облегчением сказал я, — запросить инструкции. — А какими они будут, я не хотел забивать себе голову.

Я вернулся к подъезду, стараясь не глядеть на “тойоту”, поднялся на свой этаж. Когда мой взгляд упал на разбитый замок двери, мне в голову пришла мысль: а ведь те, кто взломал дверь и убил Галло, едва ли были связаны с Безносовой, потому что чемоданы исчезли без взлома, дверь открыли ключом, — вероятно, найденным у Шматко. И, вероятно, не без помощи Юлии. Хотя... Я остановился на пороге квартиры. Открыть дверь и взять чемоданы мог сам Шматко. В сговоре с той же Безносовой. Так я предполагал до убийства Шматко, но что в этом смысле изменилось после? Пока есть только одно объяснение, почему Гарькавый был убит раньше Шматко: он, наверное, заподозрил что-то неладное в действиях партнёра и поспешил к моему дому, возле которого встретил Шматко с чемоданами (и возможно, с сообщниками). Или так: Шматко с сообщниками, предупреждённые Безносовой по телефону (ведь Гарькавый поначалу уехал с ней) о его возвращении, устроили Гарькавому западню в моём дворе и застрелили. Что ж, похоже на правду. Но тогда вопрос: почему Шматко мёртв, а Безносова жива? Ответ: она играла в двойную игру. Шматко похищал чемоданы, а потом, по наводке Безносовой, появлялась “третья сила”, убивающая Шматко и забирающая чемоданы. Забирающая?.. А зачем тогда его долго и мучительно пытали? Отняли бы чемоданы, убили — и концы в воду. Получается, никаких чемоданов у него не было. Либо в тот момент, в Битцевском парке, не было, либо... не было вообще. Ведь Шматко не герой, он бы пыток не выдержал. Ни за какие деньги. Разваливалась и моя версия о его сообщниках. Он убит, а где они? Я мог поверить, что Олег способен что-то похитить, но не мог поверить, что он сам способен убить матёрого мужика вроде Гарькавого. Что ж, может быть, Гарькавого убили те же люди, что убили потом Шматко, — то есть его сообщники? Тогда я опять возвращаюсь к вопросу: зачем его пытали? И получаю тот же ответ: затем, что никаких чемоданов у него не было. И Безносовой рядом с ним в Битцевском лесу не было, потому что в ином случае её тоже бы пытали и убили.

Стало быть, всё сходится на этой сексапильной девице со странной, как у смерти, фамилией? Чемоданы, как видно, ищут сразу несколько жестоких и кровавых банд, они крошат друг друга и всех, кто попадётся под руку, почему зря, а Безносова жива. Значит, она является той незаменимой частью этой запутанной интриги, без которой её распутать невозможно? “Как, впрочем, и я сам с точки зрения шпигунов, — подумал я. — Возможно, Безносова знает о моей роли не больше, чем я — о её роли. И поэтому она здесь”.

Я потянул на себя дверь и вздрогнул. На пороге, вонзив в меня тусклый взгляд, стояла Безносова. Вероятно, она находилась здесь всё то время, что я топтался у двери и размышлял о ней. Я представил, как мы оба молча стоим по разные стороны двери, как Раскольников с Кохом у Достоевского, и мне стало жутковато.

Безносова молчала. Лампа в прихожей освещала её сзади, и она стояла передо мной в своём условном платье, с обнаженной грудью, нацелившейся в меня сосками. Потом я понял, что это были не соски, а розовые хреновины вроде колпачков, которые любительницы ходить без лифчика в прозрачных платьях прилепляют на соски.

— Ты один? — глухо спросила она.

— Один, — отозвался я, как эхо.

— Это была твоя женщина?

— Допустим.

— Она приревновала тебя ко мне. — Это было сказано скорее как утверждение, чем вопрос, но без всякого интереса.

— Видимо, так.

Безносова помолчала, а потом, без всякой связи с предыдущей фразой, но тем же ровным бесцветным голосом поинтересовалась:

— Ты боишься умереть?

“Да”, — подумал я и сказал:

— Нет.

Но она, похоже, поверила. Кивнула.

— Ясно. Поэтому ты такой безбашенный. Так умирай! Но дай, блин, жить другим.

— Не дам.

— Почему?

— Потому что они должны умереть.

— А кто это решил — ты?

— Я. И видишь, они умирают.

Она всё не сводила с меня напряжённого взгляда.

— Слушай, чего ты на меня уставилась? — не выдержал я. — Может быть, пройдем в комнату?

Безносова не пошевелилась. Мне становилось всё страшнее, как от общения с умалишенной.

— Зачем тебе это нужно? — наконец, спросила она. — Ты же лох, я вижу.

— А тебе зачем? — снова, как эхо, ответил я. — Ты ведь тоже не Юлия Тихоненко. И не Марина Цвигун.

Лицо её вдруг исказила гримаса вроде судороги.

— Да кто ты такой? — она, казалось, задыхалась. — Куда ты лезешь?

Я внимательно наблюдал за ней. Кажется, я попал в точку.

— Гарькавый ведь был связан с Тихоненко, не так ли? — продолжал я.

— Кто тебе сказал?

Я заставил себя широко улыбнуться.

— Если меня спросят, кто, я отвечу, что ты.

Безносова открыла рот. На её лицо стали возвращаться краски.

— Кому скажешь? — пробормотала она.

— Ну, вот ты и проговоришься, — злорадно констатировал я. — Кто спросит, тому и скажу. Я твоя погибель, девочка. Никто тебе не поверит, что я сам догадался насчёт Гарькавого, Цвигун и Тихоненко.

— Ты что (она говорила “шо”) — мент? Шматько говорил, что ты писатель.

— Шматько тоже был когда-то писатель. Ну и что из того? Вот ты, например, вполне могла бы быть “Мисс Украина” или “Мисс Днепропетровск”. Однако ты проститутка.

— С чего ты взял?

— Так ты не проститутка?

— Пошёл ты!..

— В общем так, Юлия Безносова. Мне по барабану, как ты зарабатываешь на жизнь. Ты мне не нужна. Но меня достали Шпигун и грузины, которые думают, что я знаю, где чемоданы. И я сейчас позволю кому-нибудь из них, чтобы они приехали за тобой. Пусть они у тебя выясняют, где товар, а меня оставят в покое.

— А если я им скажу, что чемоданы у тебя?

— Скажи. В моём нынешнем положении это ничего не изменит. До сих пор они все считали, что они именно у меня.

Безносова поиграла плечиками. Усмехнулась.

— А ещё есть варианты?

— Есть. Один. Ты рассказываешь всё мне. А я уж решу, что делать.

— Дай закурить, — попросила она.

Я протянул ей сигарету, чиркнул зажигалкой. Она жадно затянулась.

— Твоя жизнь не станет безопасней, если я тебе всё расскажу, — сказала она между затяжками. — Даже наоборот. А самое главное: моя не станет безопасней. Может, договоримся, а? Витя... или как тебя там?.. Давай потрахаемся и... уладим всё? Я же вижу, что тебе нравилось.

— Знаешь, что? Ты мне надоела. Я тебе вот ещё что забыл сказать. До твоего Гарькавого мне дела нет: он мне не брат, не сват, не приятель. А вот Шматько был моим приятелем. Я очень подозреваю, что его убили из-за тво-

его предательства. Если бы ты знала, как у меня чешутся руки позвонить и сдать тебя! Говоришь, моя жизнь не станет безопасней? Но твоя точно у них не станет безопасней. Слишком много с обеих сторон убито людей.

Безносова о чём-то размышляла, наморщив лоб. Потом повернулась, вошла в комнату, села в кресло, вызываясь закинув нога на ногу. Ножки у неё, следовало признать, были классные, без единого изъяна. Да вот лежались они на плечи сволочей типа Гарькавого. Я сел напротив Юлии.

— Что тебе нужно? — наконец спросила она.

— Где чемоданы?

Она снова открыла рот, а потом захохотала. Смеялась она долго, истерически, до слёз на глазах.

— У тебя что — припадок? Может, водички?

Теперь она уставилась на меня — мрачно, глаза в глаза, как давеча.

— Ты что — шутишь? — хрипло поинтересовалась она.

— Да какие уж тут шутки? Так где чемоданы?

— Но именно это я пришла узнать у тебя.

Теперь пришла моя очередь разинуть рот. Потом я подумал: “А действительно, по какой ещё причине она могла прийти ко мне?”

Мы молчали, сцепившись взглядами, словно соревнуясь, кто дольше выдержит. Самое странное, мне вовсе не казалось по её глазам, что она лжёт. Очевидно, то же самое чувство испытывала и она.

— Так, — промямлил я. — Давай разбираться. Тебя кто прислал?

— Ты же знаешь, кто, — насмешливо сказала она.

— Но не сама же Тихоненко! С кем ты здесь в контакте?

— Какая тебе разница?

— Что значит — какая разница? На эти чемоданы слишком много охотников, дура! И я уже начинаю в них путаться. Ты пришла узнать, где чемоданы, и не хочешь сказать, кто тебя послал? Ты что, чокнулась? С кем же я буду иметь дело?

— С тем, кто тебе заплатит. Тебе это не всё равно?

— Нет, не всё равно. Другие-то тоже обещают заплатить. Как я должен различать, кто есть кто?

По лицу Безносовой я видел, что она колеблется.

— Не бойся, я тебя не выдам! Если не хочешь говорить прямо, пойдём методом исключения. Не говори на мой вопрос “да”, говори только “нет”. Это Шпигун?

— Нет.

— Грузины?

Она замялась, но потом сказала:

— Нет.

— А всё-таки?

— Нет. — (На этот раз твёрже).

— Армяне?

— Нет.

— Азербайджанцы?

— Нет.

— Чеченцы?

— Нет.

— Дагестанцы?

— Нет.

Я споткнулся: подходящие по “специализации” кавказцы закончились, а названий “славянских” ОПГ, вычитанных в интернете, я хорошенько не помнил. Как там? Солнцевские, люберецкие, таганские...

— Они что — все охотятся за чемоданами? — спросила вдруг Безносова. В её глазах читался страх.

— Все не все, а охотятся. Почему, думаешь, в городе такая стрельба? Ну ладно, ладно. Я же говорю: идем методом исключения. Что делать, если ты не хочешь раскалываться? Давай дальше... — И тут я вспомнил про “украинскую” группировку. — “Донецкий локс”? Немсадзе? Лепсай?

Она дёрнулась, но смолчала.

— Ага, вот почему ты замешкалась, когда я про грузин!.. — торжествующе воскликнул я, укрепляясь в трактовке её молчания. — Немсадзе?

Безносова по-прежнему молчала, отведя глаза.

— Значит — “Донецкий люкс”...

— Я тебе ничего не говорила. Думай, что хочешь, но ты всё равно не так понял.

— Понятно, понятно!.. Но почему они послали именно тебя? В этом платье, если его можно назвать платьем? Хотели обменять чемоданы на секс с тобой, что ли? Ты так дорого стоишь?

Она усмехнулась.

— Не в этом дело. Прозрачное платье, грудь — это чтобы ты видел, что на мне не спрятано ни оружия, ни “жучка”... Типа, чтобы не боялся... К тому же я с тобой знакома. Ну, а секс... — она подняла на меня глаза, — секс не исключается. И в цену он не входит. Если, конечно, чемоданы у тебя.

— Ясно. Ты, стало быть, парламентар, а твое платье — разновидность белого флага... Ну, теперь давай о главном.

— О каком ещё главном?

— Что значит — о каком? Что произошло в тот день, когда утром вы ушли от меня с Гарькавым?

— Ничего не произошло. Поехали на переговоры с клиентами.

— С какими клиентами?

— Слушай, я же сказала...

— Ладно, ладно! Дальше?

— Что — дальше? Я на этих переговорах не была.

— А где ты была?

— В номере гостиницы.

— Зачем?

Безносова повела бровью:

— Значит, так надо было.

— Ничего не понимаю: ночевала у меня, а с утра поехала в гостиницу.

А где был Гарькавый?

— В той же гостинице, только в ресторане.

— С клиентами?

— С клиентами. И я там поначалу была.

— А потом?

— А потом Коля сказал: “Иди к себе наверх, солнышко. Нам надо конкретно побазарить”.

— Так. Что дальше?

— Дальше? Дальше клиенты поднялись ко мне.

Я, наконец, начал понимать. Впрочем, нечто подобное я предполагал и раньше.

— Ага, ты, значит, презент для клиентов: “секс в цену не входит”, но цену с его помощью можно набить.

— Не только. Я должна была задержать их как можно дольше, пока Коля осматривался, нет ли “хвоста”, и ехал на встречу с Олегом.

— И сколько же было этих клиентов?

— Трое — если тебя интересует. То есть клиентов-то было двое, один от наших. Для гарантии. Он тоже базар тёр.

— Наши — это “донецкие”?

Безносова не ответила.

— Тяжеловато пришлось с троими?

Она насмешливо глянула на меня.

— Тебе что — интересно? Они виагру приняли, и одной меня им мало стало, вызволили гостиничных дивчин. В общем, оттянулись по полной программе, как Коля и планировал.

— С этим ясно. А зачем Гарькавый поехал к Олегу?

— Как — зачем? Олег с помощью наших “стрелку” организовывал, чтобы передать товар и получить бабки.

— В Битцевском парке?

Юлия кивнула.

— Ну, а почему вы сразу по приезде в Москву не отправились к вашим, а поехали ко мне?

— Этого я точно не знаю, но, думаю, Коля не очень им доверял.

— Если он не очень им доверял, отчего именно они должны были присутствовать на “стрелке”?

— Ну кто-то же должен был Колю и Олега охранять. Покупатели тоже бы приехали с охраной. А им Коля доверял ещё меньше. Кроме того, наши-то и вышли на клиентов.

— Всё равно не понимаю. Какой смысл использовать в качестве охраны тех, кому не доверяешь?

— Коля с Олегом придумали план. Его, я думаю, Коля и обсуждал с клиентами в ресторане. Обмен товара на деньги производится двое на двое, а охрана обеих сторон находится на расстоянии, но так, что видит всё. Потом покупатели уезжают, Коля тоже, а Олег расплачивается с нашими.

— Что же помешало всему этому?

Юлия пожала плечами.

— Не знаю. Коля должен был встретиться с Олегом, проверить, как всё организовано, взять у него ключ от твоей квартиры. За чемоданами он собирался заехать к тебе часов в семь, за час до “стрелки”. Он и поехал, но... не вернулся.

— Так... Ну, а что было в лесу?

— В лесу было, как договорено: все собрались — покупатели, охрана с обеих сторон, Олег... А Коли всё нет и нет. Сначала думали — пробки. Олег звонит ему на мобилку — не отвечает. А уже около девяти. Тут все подступили к Шматько: говори, куда поехал Коля. Ну, ему делать нечего, он сказал. Посадили в машину по два хлопца от наших и клиентов, а пятым Олега, и они поехали к твоему дому. Приезжают, а там мёртвый Коля на газоне лежит, “скорая” с мигалкой... Чемоданов не видно, вокруг милиции полно, ну, они и повернули назад. Приехали в лес, была уже ночь. Начался “разбор полётов”. Или “правилка”, как они говорят. Все подозревали Шматько, что он сработал на какую-то третью сторону. Больше же никто не знал, где чемоданы. Ну, а этот гад говорит: “Как — никто? А Безносова?” Послали за мной в гостиницу, я там спала без задних ног. Растолкали, дали кое-как одеться, привезли в лес. Никогда не забуду: стоим мы на коленях со Шматько в свете фар, друг перед другом, с ножами у горла. Они нам: “Раскалывайтесь, суки!”. Я кричу, что весь день была в гостинице, свидетелей полно, и не было у меня ключа от твоей проклятой квартиры. А Шматько: “Не верьте ей, она могла навести по телефону!”. Ну, “авторитеты” посоветались и решили: сначала пытать Шматько на моих глазах, а потом взяться за меня.

Безносова замолчала, судорога пробежала по её красивому лицу.

— Ну — и?.. — осторожно спросил я.

— Шо — “ну — и”? Сделали, как решили. Наши были вынуждены согласиться, потому что покупатели могли подумать, будто бы они с нами в сговоре... Залепили рот Шматько пластырем и резали его ножами, прижигали сигаретами... То он терял сознание от боли, то я — от ужаса...

— Да, девочка, съездила ты в Москву погулять... — пробормотал я. — Но видно, за тебя всё же не взялись.

— Шматько умер под утро... Обступили они меня: “Всё видела? Хочешь так же? Колись!”. Я землю ела, кричала: “Не знаю!”. Тут прибежал хлопц, который стоял на шухере, за дорогой следил, и сказал, что вдали конные менты показались. К тому времени уже почти рассвело. Они все побежали к машинам, и меня погнали. Короче, смылись оттуда. Приехали в мою гостиницу, допросили обслугу — они ещё не успели смениться. Все, кто мог, подтвердили, что я никуда не выходила с момента заселения и до их приезда ночью. Разговор продолжили в моём “люксе”. Ну, тут уже они меня ни пытать, ни убивать, ни насиловать до смерти не могли, потому что “засветились” в этом отеле. Твердили одно и то же: “Кому звонила насчёт чемоданов?”. Я отвечаю: “Если вы крутые, то проверьте звонки из номера и с моей мобилки у телефонных операторов, и вы узнаете, кому я звонила”. А я никому не звонила. Мы договорились с Колей, что я позвоню, если не

сумею задержать клиентов в номере после полудня. Но я сумела и не стала звонить.

— Скажи мне, — перебил я её, — а почему не отвечал телефон Шматько? Я ему постоянно звонил после того, как увидел труп Гарькавого и поднялся к себе. Это было ещё до полуночи.

Юлия кивнула.

— Когда они узнали, что Коля мёртв, ему кто-то позвонил на мобилку — видимо, ты. Хлопцы, которые сидели со Шматько в машине, ему уже не доверяли. Они подумали, что это звонят его подельники, которые могут установить местонахождение Шматько, если он ответит. Поэтому они отобрали у него телефон и отключили его. Входящие-то всё равно фиксируются. А потом, когда они вытащили Шматько на разборку, про мобилку забыли. Они вспомнили о ней только у меня, в гостинице. К тому времени они и между собой поцапались, потому как уже навели справки, что я никому не звонила. Теперь они подозревали не только меня, но и друг друга. Клиенты говорили, что их могли “кинуть” наши охранники, которые решили самостоятельно продать чемоданы и завладеть всей выручкой, а наши говорили, что это клиенты разыграли комедию со “стрелкой”, а сами установили слежку за Гарькавым, замочили его и завладели чемоданами без всяких денег. Не знаю, чем бы это всё кончилось, если бы кто-то не сказал про Олегов телефон. Принесли его, посмотрели “входящие” — все звонки с одного номера. Они “пробили” этот номер — оказалось, это твой домашний. И тогда мне пришла в голову мысль... Не знаю, как тебе сказать...

— Да я уж догадался, — усмехнулся я. — Ты сказала, что есть ещё один человек, который знал про чемоданы, и не просто знал — они стояли у него дома! Он мог вернуться днём домой, открыть их, увидеть, что там лежит, и подумать: а почему бы мне не нагреть на этом руки?

— Ну, не совсем так... но похоже. Они стали ругаться: какие, типа, мы идиоты, и позвонили тебе. Но никто не отвечал. Они “пробили” номер твоей мобилки и рабочий телефон. Между прочим, идиотами они себя называли правильно. Они потратили уйму времени, “пробивая” твои номера, а потом оказалось, что все они записаны в телефоне Шматько. “Колыванов дом.”, “Колыванов моб.”, “Колыванов раб.”...

— Почти как стихи, — пробормотал я. — “Я царь, я раб, я червь, я Бог...”

— Какие стихи? — не поняла Безносова.

— Да так, никакие... Скажи, а этим мыслителям не приходило в голову, что чемоданы могли оказаться в руках ментов?

— Приходило, но кто-то сказал: не для того застрелили Гарькавого, чтобы оставлять чемоданы ментам. А позже они через своих людей в милиции выяснили, что никаких вещей на месте убийства не обнаружено.

— И они поверили? А если ментов настолько заинтересовало содержимое чемоданов, что они решили не вносить их в протокол?

Она развела руками:

— Этого я не знаю. Наверное, они платят людям в ментовке не для того, чтобы те говорили только то, что написано в протоколе.

— Ну, это смотря сколько им платят, и каково было содержимое чемоданов. Может быть, оно окупало любой риск. Кстати, маленький вопрос — так, между прочим: а что было в чемоданах?

Безносова искоса глянула на меня, как бы спрашивая себя: “Прикидывается?”, потом помотала головой:

— Если ты этого не знаешь, я тем более не могу сказать.

— Ну, а если я знаю — можешь?

— Отцепись.

— Скажи лучше мне, а то другие, которым ты это скажешь, снова начнут тебя убивать.

Она pokrивилась, как от зубной боли, стиснула руки.

— Ты ничем не лучше других, и никто ещё не доказал, что чемоданы не у тебя. Вот ты говоришь, что уже много людей из-за них убили. А ты почему жив? Ведь на тебя вышли почти сразу?

— Между прочим, первыми на меня вышли грузины и Шпигун, которых ты якобы не знаешь. Нестыковочка получается...

— Ни с какими грузинами я дела не имела, — решительно заявила Безносова. — Я знаю только Ги... Ой! — она закрыла ладошкой рот.

— Ну, правильно, правильно: Гиви Немсадзе, — продолжил за неё я, смеясь. — Хватит играть в таинственность, “Донецкий люкс” — это уже секрет полишинеля.

— Секрет кого? — сдвинула брови Юлия.

— Никого. То, что знают двое, знает свинья.

— Какая Свинья? — по-прежнему не понимала Безносова. — Это кликуха, что ли?

— Да, видимо, ваше поколение действительно выбрало “Пепси”...

Что такое “Пепси”, она меня не спросила, но, кажется, обиделась.

— Ну, хорошо, грузин, кроме Немсадзе, ты не знаешь, а как же быть со Шпигуном?

— Слушай, не морочь мне голову: не знаю я никакого Шпигуна, никакого Полу-Шанеля, никакой Свиньи!.. Я вообще почти никого в Москве по фамилиям не знаю.

И впрямь, подумал я, откуда ей знать фамилии? Девушкам её типа по фамилиям не представляются.

— Ну, а по именам, отчествам, кличкам? Шпигун, например, Виталий Адамович. Клички не знаю.

— Тю! — воскликнула она, как истая уроженка Хохляндии. — Так бы и сказал — Виталий Адамович! Такой был со мной в номере! Импотент!

— Ну вот! Кое-что мы и выяснили. Значит, ваши и “Донецкого люкса” клиенты — Шпигун и его люди. Что ж, уже вырисовывается какая-то картина. Значит, вы, люди, работающие на клан Тихоненко, везёте с Украины некие чемоданы...

— Почему с Украины? Ничего мы с Украины не везли, кроме своих вещей. Чемоданы Коля и Олег взяли в камере хранения на Курском вокзале.

Я почесал репу. Нет, если в этом деле и вырисовывается какая-то картина, то я по-прежнему не разбираю, что на ней изображено.

— Хорошо — взяли на Курском вокзале... Чемоданы с неизвестным (по крайней мере, мне) содержимым вы должны продать группировке Виталия Шпигуна при посредничестве московской банды “Донецкий люкс”, видимо, как-то связанной с “днепропетровскими”. Они же, за долю от сделки, осуществляют ваше прикрытие. Но Гарькавый и Шматько не очень доверяют “донецким” и скрывают от них, где находятся чемоданы. А находятся они у ничего не подозревающего московского литератора Василия Кольванова, институтского приятеля Шматько. В день сделки Гарькавый отправляется к Кольванову за чемоданами один. На чём он, кстати, отправился? На метро, что ли?

— На такси.

— Он всегда ездил по Москве на такси?

— Да. Подельникам он не доверял и в их машины не садился.

— Стало быть, он и из Битцы поехал к моему дому на такси?

— Откуда я знаю? — раздражённо пожала плечами Юлия. — Меня там не было. Да и какое это имеет значение?

— Большое, девочка! Потому что обычный, законопослушный таксист, увидев, как убивают его пассажира, обязательно сообщил бы о этом в милицию. Ведь в ином случае его могли бы счесть сообщником. А милиции на сегодняшний день ни о каком таксисте, привезшем Гарькавого, ничего не известно. Меня там допрашивали, я знаю. Значит, это был не обычный и вовсе не законопослушный таксист. Это был бандит, следивший за Гарькавым, возможно, от самой гостиницы и быстренько подсуетившийся подать ему машину с пашечками, когда тот поднял руку. Я говорю “от гостиницы” потому, что эта третья сила, охотившаяся за чемоданами, не знала, где вы переночевали и оставили чемоданы, иначе бы они пришли ко мне после моего ухода на работу и просто забрали бы чемоданы. Логично?

Безносова криво улыбнулась.

— Тебе бы детективы писать!

Ну вот, дождался я от этой сумрачной днепропетровской красавицы-гетеры и комплимента.

— Что ж тут удивительного — я же писатель. Итак, мнимый таксист привозит Гарькавого к моему дому, тот уходит за чемоданами, возвращается с ними, “таксист” стреляет в него, забирает чемоданы и уезжает. Или это делают те, кого он навёл. Допустим, за “такси” следовала ещё одна машина. Скорей всего, так и было. “Таксист” высадил пассажира, проследил, куда он зашёл, сделал знак своим и уехал. Теперь спросим себя, пани Безносова: а откуда эта третья сила узнала, что Гарькавого надо “пасти” возле Битцевского парка? Вариант первый: третьей силе об этом сказали либо Шматько, либо ты. Так, собственно, поначалу решили и Шпигун, и “донецкие”, о чём ты хорошо знаешь. Вариант второй: киллер был из числа “донецких”. Вариант третий: киллер был от Шпигуна. Ну, в последних двух случаях ни о какой третьей силе и речи быть не может. Но Шпигуна из этих версий можно исключить. Он охотится за чемоданами, бьётся с грузинами, теряет людей. Сейчас ударился в бега. Что делают “донецкие”, я не знаю. Это они послали тебя сюда?

— Как тебе сказать? После того, как они узнали о тебе и решили пока меня не трогать, они действуют совместно. Меня постоянно “пасут” один наш хлопец и один — от клиента. Они и привезли меня сюда.

— На чёрной “тойоте”, — кивнул я.

— И это ты знаешь? — неприятно удивилась Безносова. — Ты что — в окно глядел, когда я подъехала?

— Это не я глядел, а ФСБ. Знаешь такую? Там, внизу, стоит “жигуль”, люди в котором и тебя уже зафиксировали, и вашу “тойоту”.

Безносова вскочила, но у неё подвернулся каблук, и она рухнула обратно в кресло.

— Так ты “мусор”, что ли?! — завопила она, вцепившись коготками в подлокотники.

— Ты меня уже спрашивала об этом. Я не “мусор”, и не эфэбэшник, но для тебя это уже не имеет никакого значения. Ты уже не уйдёшь от чекистов. Главное для тебя сейчас то, что я им скажу о тебе. Пока они не знают, что ты за птица. Хочешь, чтобы они сами с тобой разбирались — иди, пожалуйста, тебя там внизу встретят. Хочешь, чтобы я тебе помог, изобразил из тебя жертву обстоятельств — выкладывай всё начистоту. И о содержимом чемоданов, и о третьей силе, и о грузинах. Почему они появились одновременно с людьми Шпигуна? Они и есть третья сила?

Юлия с ненавистью смотрела на меня. Я встал, расправил затекшие члены, закурил.

— Слушай, я ведь не звал тебя сюда, правда, не расставлял на тебя силки? Ты сама пришла. Точнее, тебя привезли. Я тоже мог бы пенять на то, что вы со Шматько и Гарькавым ворвались без спросу в мою жизнь и всю её испоганили, да что толку? Ты что думаешь, в ФСБ тебе будет хуже, чем в Битцевском лесу, где ты стояла на коленях с ножом у горла? Или тебе будет лучше, когда ты вернёшься в Днепропетровск? Там тебя тоже начнут пытать. Всё, девочка, безопасная жизнь для тебя заказана! Ты свидетель, которого необходимо устранить независимо от того, чем окончится история с чемоданами. Поэтому, если трезво поглядеть, ФСБ для тебя — не худший выход. Если “контра” возьмёт тебя под защиту, у тебя появляется надежда выжить, хотя я не знаю, сможешь ли ты теперь вернуться на Украину.

— Я ненавижу Украину, — вырвалась у Юлии.

— Тогда зачем тебе служить уродам, которые её сделали для тебя ненавистой?

— Я всех вас ненавижу, — тихо сказала Безносова. — А в этом деле, чтоб ты знал, может быть и третья сила, и четвёртая, и пятая. Тут цепочка, понимаешь? Клиенты не стали бы так нервничать, если бы приобрели товар для себя. Ну, пропали чемоданы, но ведь они за них ещё ничего не платили. Но они сами рассчитывали быстро “наварить” на нём бабки. Из того, что “крутые” говорили тогда утром, в номере, я поняла, что клиенты бра-

ли товар не для себя, его уже ждали другие клиенты. А они должны были ещё кому-то перепродать. Тут вся “фишка” в наваре, понял? Вся цепочка рассчитывала на навар, а тут кто-то увёл из-под носа чемоданы. И они все думают друг на друга, что кто-то решил толкнуть товар последнему клиенту самостоятельно. Или нашёл нового клиента, с большими бабками. Были ли в цепочке грузины, я не знаю, но почему бы им не быть?

— Ладно, теперь давай думать, что нам делать дальше. Там, внизу, дежурят и эфэсбэшники и ваши. Полагаю, уже подтянулся спецназ. Будет стрельба. Впрочем, чекисты могут решить просто сесть вам на хвост. Что ты хочешь — сдаться или вернуться к бандитам? Я могу позвонить эфэсбэшникам, посоветоваться.

— А можно сначала в туалет сходить?

Я смутился:

— Конечно, можно, о чём разговор. Прошу.

Я проводил её чуть ли не до дверей туалета, дабы удостовериться, что она не собирается смыться. Потом вернулся в комнату, подошёл сбоку к окну, слегка отодвинул в сторону штору. В ночи бушевала тополиная метель. “Четвёрка” стояла в неосвещённом месте, я её не очень хорошо видел, а вот менее профессиональные бандиты поставили свою “тойоту” неподалёку от фонаря. За ветровым стеклом смутно белели неподвижные пятна лиц. Я окинул взглядом двор. Ничто не указывало на присутствие в нём обещанного мной Безносовой спецназа. Впрочем, сказал я себе, он на то и спецназ, чтобы не высовываться. Прислушиваясь, не загремит ли щеколда двери ванной, чтобы не пропустить выход Безносовой, я размышлял, куда бы мне позвонить. Лучше всего было бы мужикам в “четверке”, но мы не договаривались о звонках в смысле общения, это был сигнал тревоги. Или они всё-таки догадаются, что мне нужно посоветоваться? А может, следует звонить напрямую Овечкину? Но Овечкин далеко, он может дать неправильный совет. Хотя не исключено, что он приехал.

Зашумела вода в сливном бачке. Я переместился ближе к двери. Загудел водопроводный кран, смолк, потом клацнула задвижка. Безносова вышла из ванной, щёлкнула выключателем — раз и другой. Этот второй щелчок пробудил во мне какое-то воспоминание. Что-то было не так. Блин — неужели погасила свет на кухне?! Я выскочил в коридор, врзался в Безносову. Она чуть не упала.

— Ты что? — в страхе закричала она. — Очумел?

Точно — погасила свет на кухне! Женщины, даже лярвы, любят аккуратность!

— Всё, капут, — сказал я, — начинается “маски-шоу”. Ты подала сигнал тревоги. Садись на пол, дура!

Я угадал: за окном сразу несколько голосов дико заорали: “Не двигаться! Бросить оружие!”, раздался звон разбитого стекла, грянул салют и в небо полетели трассеры. Я бросил Безносову на пол — и вовремя. В тот же миг кухонное окно разлетелось вдребезги.

Снаружи бушевал русский бой — бессмысленный и беспощадный. Бабахнуло в подъездную дверь. По лестнице затоптали тяжёлые башмаки спецназа.

Часть третья

ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД КОЛЫВАНОВА

“Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить её и обнажить дюйм за дюймом”.

Так Конан Дойл устами Шерлока Холмса объяснял название своего романа “Этюд в багровых тонах”.

Обнажить дюйм за дюймом, господин Колыванов!

А что если применить и к моему “этюду в багровых тонах” метод Шерлока Холмса? — размышлял я. Моего метода разгадки тайных знаков бытия мне явно не хватало.

Шерлок Холмс говорил: “По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видел ни того, ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену”.

А я думаю, всё это полная ерунда. Человек, мыслящий логически, делает вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада с помощью чего угодно, но только не капли воды. Конан Дойл сам убедился в этом, когда была поставлена пьеса по его рассказу о Холмсе “Пёстрая лента”. Орудием преступления в нём, как хорошо известно, является ядовитая змея. Для большего устрашения зрителей на сцену по шнуру от звонка спустилась настоящая ядовитая змея (видимо, за кулисами присутствовал дрессировщик). И что же написали по этому поводу газеты? “Весь спектакль портит отвратительное чучело змеи”! Поражённый таким эффектом, Дойл подбирал новых и новых живых змей, но никто его трудов не оценил. Какая-то змея, допустим, была страшнее или больше предыдущей, но слушалась команд дрессировщика хуже и т. п. Тогда Конан Дойл плюнул, и по шнуру стали спускать муляж. Как же отозвались на это газеты? “Прекрасно смотрится на сцене живая змея”!

Таким образом, Конан Дойл столкнулся с сопротивлением собственного литературного метода. Ведь несчастная Джулия Стонер, укушенная ядовитой змеей, тоже не поняла, что это змея, и вскричала: “Пёстрая лента!”. Таковы “правила игры” в этом рассказе, который и называется “Пёстрая лента”, а не, скажем, “Дрессированная змея”. А Дойл захотел, чтобы сценическая Джулия тоже играла по этим правилам, а зрители воспринимали действие по другим! Но они отреагировали точно так же, как и Джулия Стонер. И это, в общем, правильно. Рецензенты оценили приемы Дойла (и с живой змеей, и с муляжом) по закону, “им самим над собою признанному”.

Получается, что “изучение жизни” по Дойлу — это совсем не то, что “изучение жизни” по Холмсу. Холмс считает: “Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить её и обнажить дюйм за дюймом”. Дойл-романист, напротив, вплетает дюйм за дюймом багровую нить в “бесцветную пряжу жизни”. А Холмс затем её энергично расплетает. Писатель идёт от общего к частному, а — герой от частного к общему. Метод Холмса, в сущности, не дедукция, а индукция. Дедуктивным методом оперирует Конан Дойл.

А может быть, мне ближе метод Огюста Дюпена у Эдгара По — накопления информации на основе чужих ошибок? И не эффективней ли он метода Дойла—Холмса, с его сугубо литературным сочетанием индукции и дедукции?

Приёмы Дойла, назовём их действием, призваны вызывать противодействие в виде приёмов Холмса. Багровая нить то вплетается в “бесцветную пряжу жизни”, то выплетается из неё. Статья, которую написал Холмс, называется “Книга жизни”, но эту книгу на самом деле читает не Холмс, а Дюпен, причём читает между строк, потому что, по мнению По, никакой правды “книга жизни” отобразить не в состоянии. До правды можно докопаться лишь путём анализа неправды. В рамках этого представления о мире способности Холмса практически бесполезны. Мир в рассказах По (и не только в детективных) — не таков, каким он нам кажется, и познаваем частично, да и то лишь гением Дюпеном, а Холмс, невзирая на все свои способности, не может исходить из принципиальной непознаваемости мира. Он убеждён, что всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену. А по Дюпену, видимая жизнь — это огромная цепь неверных причин и следствий. Как же её можно познать по одному звену? Нет, напротив, следует отбрасывать звено за звеном, чтобы подобраться к истине. Причём эта истина вовсе не является универсальной.

Всё тайное, по Конан Дойлу, *обязательно станет явным*. Не удастся избежать возмездия ни мормонам из “Этюда в багровых тонах”, ни масонам из “Долины страха”. Тайна беззакония никогда не станет законом жизни.

Мир основан на принципах гармонии, и хаос не одолеет его. Аполлоническое, то есть разумное, справедливое начало жизни, носителями которого у Дойла являются Шерлок Холмс и Джон Ватсон, всегда будет побеждать донисийское — тёмное, преступное.

Так-то оно так, но что же будет со мной?

Что будет — не знаю, а в том, что стало, стыдно признаться.

* * *

Я нахожусь вовсе не в тюремной камере, что было бы, в общем, справедливо. Я сижу как ни в чём ни бывало в своём странном кабинете в “Новой России”. У меня теперь есть помощница — Юлия Безносова. Она, сдвинув брови, тычет наманикюренным пальчиком в клавиатуру компьютера — осваивает технику, которую, конечно, предоставила не “Новая Россия”, а Лубянка. Электричество, с помощью которого работает компьютер, починили, точнее, провели заново, полностью заменив проводку, тоже специалисты ФСБ. Другие специалисты в штатском, до зубов вооружённые, охраняют нас. Они везде — за дверью, на лестничных площадках, у парадного и чёрного входов. Есть “топтуны” и на улице.

В дело включилось государство — со слоновьей грацией, ему присущей. Людей и средств теперь не жалеют. Операция “на контроле” в Кремле.

Да вот беда — ничего, по сути, с места не сдвинулось. Охранников Безносовой из “тойоты”, которые не захотели сдаваться, бравый спецназ убил при штурме. В съёмной квартире, где держали в плену Безносову, никого не оказалось, что и следовало ожидать. Шпигун, Немсадзе и Лепсай растворились в московских, а может быть, и немосковских просторах. “Зачистки” грузинских “авторитетов” ничего не дали в смысле чемоданов. Не удалось даже обнаружить ниточки, ведущей к ним. Более того, по-прежнему не было известно, что в них находилось — по крайней мере, мне. Безносову, конечно, интенсивно допрашивали, но что она говорила, я не знал, а чекисты меня насчёт этого не просвещали. Подключать к делу Службу безопасности Украины Лубянка не решилась, учитывая возможную связь Тихоненко и директора СБУ Турчанинова с Гарькавым.

Полный ноль! Правда, эфэсбэшники, на мою голову, сообразили дать дезинформацию в электронных СМИ и прессе о перестрелке возле моего дома. Дескать, произошла очередная бандитская разборка. А поскольку в последние дни и часы только о них и говорили, то журналоги легко поверили. Это обстоятельство позволило не выводить меня из игры, а использовать и дальше в качестве живца — точнее, объекта для уничтожения или похищения.

Но, с другой стороны, я стал, по сути, одним из самых крутых “беспредельщиков” в Москве. Судите сами: всех, кто посмел даже приблизиться ко мне с дурными намерениями, беспощадно уничтожали. Имя Кольванов, без сомнения, наводило ужас на шпигунов и лепсаев. Не скрою, в какой-то степени это мне льстило. Хоть таким образом останусь в истории! Меня теперь надо было брать крупными силами, и Петровский переулок, где под “крышей” “Новой России” находилась штаб-квартира Аль-Капоне XXI века, превратился в гигантскую мышеловку. Такая же была и у моего дома. Страшное дело! Я передвигался по городу в “навороченном” кортеже, в окружении людей со специально подобранными бандитскими мордами. Хотя, может быть, в ФСБ теперь именно такие типажи. В советское время все были какие-то полуинтеллигенты — ну и где теперь Советский Союз?

Другая “светлая идея”, пришедшая в голову руководству ФСБ, — “соединить” меня с Безносовой. Эта конфигурация была призвана заставить претендентов на чемоданы и их нынешних обладателей ещё больше подозревать друг друга и, как следствие, открыться, проявить себя. Они должны были думать так: если Безносова с самого начала действовала как мой человек, то в каком качестве действуют остальные? А как они думали на самом деле, Бог знает. Может быть, они раскусили игру чекистов и поняли, что мы с

Безносовой — их подсадные утки. И поэтому, в отличие от прошлой недели, в Петровском и у моего дома была тишь да гладь.

Хуже всего, что, по этому же плану Лубянки, Безносова жила у меня — в качестве соратницы или любовницы, точно не знаю. Последнее, наверное, могло меня хоть как-то утешить, но ни я, ни Юлия смотреть друг на друга не могли после пережитых злключений.

В комедии, устроенной ФСБ в Петровском переулке, участвовали, в сущности, не только мы с Безносовой, но и все работники журнала, начиная с Мишарина. Как государственник, автор патриотической пьесы “Равняется четырёхм Франциям” и романа “Карьера” Мишарин, конечно, не мог не предоставить “крышу” государственному ведомству, отвечавшему за безопасность страны.

Впрочем, журнал теперь делали в другом месте, в соседнем здании на территории Совета Федерации. Мишарин и прочие лишь входили в редакцию, а дальше через чёрный вход и двор перебирались в любезно предоставленное запасное помещение. Точно таким же образом, только в обратном порядке, они покидали работу. В четырёхэтажном особняке постоянно сидели лишь мы с Безносовой да охрана.

Вот так: был я свободным человеком, а стал наживкой на крючке крутых рыболовов. Это как в анекдоте: червяк-мальш спрашивает маму: “А где папа?”, а мама важно отвечает: “Папа пошёл с большими мужиками рыбу ловить”. Нечего делать: если хочешь, чтобы тебя защищала госбезопасность, забудь про независимость. Я-то совсем не хотел, но... Одно хорошо: ФСБ взялась обеспечить безопасность моих родителей, поселила их в своём закрытом доме отдыха.

Не знаю уж, охраняли ли они Викторию, но мне не разрешили с ней встретиться. А мне, не скрою, хотелось бы как-то развеять её подозрения насчёт Безносовой. Всё-таки человек, как-никак, признался мне в любви. Но Овечкин утверждал, что это совершенно необязательно и что с Викторией проведена “разъяснительная беседа”. Он думает, что этим меня успокоил! Если он беседовал с бедной Викой в том же стиле, что и некогда со мной, то в её глазах я стану ещё более подозрительным типом, чем показался за две последние встречи.

Вы будете смеяться, но у меня с тех пор, как журнал стал декорацией ФСБ, работы по сравнению с прежними временами только прибавилось. Дело в том, что декорацией “Новая Россия” была для бандитов и вероятных шпионов, охотившихся за чемоданами, но не для авторов и посетителей. Они как приходили, так и приходят. Их встречает на вахте плечистый оперативник, временно сменивший нашего пенсионера, проверяет документы, дотошно выспрашивает, что, как и зачем, а затем, предварительно позвонив, направляет всех ко мне, в том числе и публицистов, которые ранее находились в компетенции другого редактора. Но он теперь якобы в отпуске, и все эти публицисты и эксперты тащатся ко мне в литературный отдел, с удивлением поглядывая на встречающихся как бы случайно в коридорах “новых сотрудников” в странно топорщащихся на груди пиджаках, под коими — бронжилеты. (Между прочим, мои друзья из ФСБ хотели установить на входе рамку металлодетектора, но я сказал, что в таком случае редакцию лучше перенести прямо на Лубянку.)

Я, конечно, рукописей этих публицистов и экспертов не читаю, а передаю с курьером в соседнее здание, но авторы, как правило, хотят объяснить “свою концепцию”. И я, косясь со вздохом на свою мнимую помощницу, которой, конечно, нельзя поручить столь деликатное дело ввиду отсутствия терпения и образования, вынужден всех выслушивать, гадая при этом: а не достанет ли вот сейчас мой гость из-под мышки пистолетик? Правда, за нами наблюдает с помощью скрытой камеры эфэсбэшник в соседнем кабинете, но я, если почувствую опасность, всё равно должен громко сказать: “*Вы с ума сошли!*” (очередной сигнал тревоги!), и в кабинет влетят мускулистые “редакторы”, дежурящие за дверью. Ну, а дальше, известное дело, “маски-шоу”, стрельба, мы с Безносовой превращаемся в окровавленные туши et cetera.

Но всё это происходит, слава Богу, пока в моём воображении, а приходят настоящие авторы, которых вообще летом больше, чем в другие времена года, потому что авторы имеют обыкновение перед отпуском “сбрасывать” рукописи, словно змеи кожу.

Безносова как-то спросила меня, а сколько денег получают за свой труд приходящие ко мне литераторы, и, когда я ответил, она подняла брови и состроила такую гримасу, которую уважающим себя публицистам, а равно прозаикам, поэтам и критикам лучше не видеть. Хорошо ещё, она у меня не спросила, какая у меня самого зарплата, а то бы мой авторитет сильно пошатнулся. Я подозреваю, правда, что он и так не высок, ибо, пользуясь моей бытовкой, с позволения сказать, техникой, Безносова часто бормочет, что у них в Днепрпетровске люди живут и то лучше.

Боже мой, я томился “Рублёвскими историями” Виктории, а вы бы послушали, какие истории про “настоящую жизнь” своих преуспевающих знакомых из Днепрпетровска мне рассказывает от нечего делать, когда мы остаёмся наедине вечерами, Безносова! Я могу охарактеризовать их лишь фразой из украинской рекламы, услышанной мной когда-то в Крыму: “Нестрымна сила бажаны!”, что означает: “Неудержимая сила желаний”. А как-то эти “бажания” у хохлов, представить совсем не трудно, если вспомнить, что слово “корысть” на их наречии означает “польза”.

Но, слушая Безносому, я помалкиваю, ибо мои язвительные реплики могли быть доступны Виктории, но никак не Юлии. Она бы их просто не поняла. Мужик (он же “чоловик”) обязан, по представлениям дам из Хохляндии, быть крутой и весь в “бабле”, с золотой цепью толщиной в палец и с золотым же крестом, закрывающим половину волосатой груди. А его “дружина” (это “супруга”, а отнюдь не “войско”) либо “жинка” (это не “супруга”, а просто “женщина”) должна, как старуха из пушкинской “Сказки о золотой рыбке”, иметь парчовую на маковке кичку, новенький “порше-кайенн” и возможность покупать без разбора, охапками, шмотки в бутиках и тут же, в примерочной, оставлять на полу вещи, в коих пришла в магазин, — вплоть до трусов. Рассказы Безносовой навели меня на мысль, что есть определённое несоответствие между её умственными способностями и некоторыми словами, которые она мне сказала перед незабываемым штурмом моей квартиры. Тогда я истолковал их как размышление, теперь же думаю, что она, по принципиальной неспособности размышлять, невзначай выказала некую осведомлённость, которую по сей день скрывает не только от меня, но возможно, и от ФСБ. Я осторожно попытался прощупать Безносому в этом направлении, но ничего не добился: она сразу замолкала или переходила на другую тему. Это привело меня к другой мысли, — что для человека, случайно участвовавшего в этом деле, Юлия слишком скрытна. Но подтвердить свои подозрения я ничем не мог.

Вынужденная жизнь в моей квартире тяготит нас обоих. Даже читать мне приходится на кухне, потому что вечерами Безносова смотрит по “ящику” шоу или сериалы. Сплю я тоже на кухне, как и в тот злосчастный день, когда дома у меня появились незваные гости из Украины. Правда, уже не на матрасике: чекисты доставили мне раскладушку с инвентаризационным номером, намалёванным краской на изнанке изголовья. Но женщина есть женщина. Я предоставил свою единственную комнату практически в полное распоряжение Безносовой, но она хотела бы, чтобы и кухня была в её полном распоряжении, когда ей надо подкрепиться. Непонятно, смущаю я её, что ли? И это при том, что её абсолютно не смущает, когда я вижу её по утрам полуобнажённой, а вечером в халатике-распашонке, надетом прямо на голое тело. Воистину, интимное общение со средой — это не секс, а приёме пищи.

Утром, на забаву соседям и особенно бабке Олимпиаде, приезжает чекистский кортеж, мы с Безносовой спускаемся вниз и едем “на работу”. Здесь мы должны ждать, что на нас “выйдут”, как вышел некогда на меня адвокат Караблут. Но томительно проходит день за днём, и ничего не происходит. Воистину, в одиночку я действовал куда разнообразней, чем Лубянка с её бюрократическим аппаратом! В Петровском переулке часто появля-

ется наш “куратор” Овечкин. Он уединяется со мной или Безносовой и снимает показания. В последнюю встречу я не выдержал и сказал ему:

— Вам не кажется, что пора разнообразить вашу операцию?

— В каком смысле? — удивился Овечкин.

— В таком, что на меня и Безносову уже не клюют. Во всяком случае, здесь. Эта “точка” явно засвечена. Время уходит, а вы топчетесь на месте.

— Вы так полагаете? — прищурился полковник.

— Тут и полагать нечего. Вспомните, как бешено на меня клевали в первые дни. А теперь? Они либо поняли, что я подставное лицо, либо вышли на настоящих владельцев чемоданов.

— Кто — они?

— Вам виднее, кто. Пришельцы из космоса, например. Если вы не знаете, то откуда я знаю?

— Что вы предлагаете?

— Ну, подкинуть какую-нибудь “дезу” украинцам, грузинам или ЦРУ. Чтобы они зашевелились.

— А почему вы думаете, что они не шевелятся? Наружное наблюдение зафиксировало, что их агенты так и кружат вокруг редакции и вашего дома.

— Отчего же они ничего не предпринимают?

Евгений Семёнович хмыкнул.

— Они боятся вас, Кольванов. Все, кто предпринимал резкие действия против вас, стали трупами. По нашим агентурным данным, авторитеты говорят о вас: “Кольванов — это страшный человек”. Вот они и страхуются.

Я невесело засмеялся.

— А может, они просто раскусили, что я действую под вашей “крышей”?

— Ну, раскусили... Это ничего не меняет. Всё равно нужны доказательства. Одних подозрений мало.

— Послушайте, ведь время идёт! А что если ваша “непроверенная информация” насчёт бактериологического или химического оружия правильна? Вы проспите доставку чемоданов на Кавказ, и погибнут тысячи людей! Разве можно в такой ситуации сидеть и ждать у моря погоды?

Овечкин вздохнул.

— Вы думаете, мы сами этого не знаем? Вы ведь видите только то, что происходит здесь. А это лишь часть операции. Мы ведём активные следственно-розыскные мероприятия в отношении Шпигуна, Немсадзе, Лепсея и других причастных лиц.

— А что с чемоданами?

— Ищем.

— Но сколько я ещё буду сидеть здесь под наблюдением и жить с этой Безносовой? — прямо спросил я.

— Сколько надо, — столь же прямо ответил Евгений Семёнович.

Я уныло уставился мимо него в угол.

— А что вы хотели, Кольванов? Ваша нынешняя жизнь — результат ваших авантюрных, непродуманных, а то и прямо противозаконных действий. Вы просили о защите? Мы вам её предоставили.

— Но нельзя ли отселить от меня Безносову? Например, в ту гостиницу, где она оказывала эээ... интимные услуги?

— Считаем это пока нецелесообразным по оперативным соображениям. К тому же вместе нам легче вас охранять. Представляете, если бы нам пришлось использовать такой же штат охраны, какой у вас сейчас, ещё и лично для Безносовой?

— Так и сказали бы... — с горечью пробормотал я. — А ещё — что вы не доверяете мне и ждёте, что я о чём-нибудь проболтаюсь в обществе Безносовой...

— А почему мы должны вам доверять? — осклабился подполковник. — Согласитесь, у нас нет на это особых оснований.

— Но я больше не могу так жить!

— Вы думаете, в тюрьме жить лучше?

Я повесил голову. Циничный Бисмарк был прав: проигравшим остаются только глаза, чтобы плакать. Эти парни с Лубянки уже за меня решили, как мне жить. Ну ладно Безносова: ей-то, может быть, выпал в жизни шанс. Сделают из неё агентку — всё лучше, чем проституткой быть. Точнее, лучше, чем быть только проституткой. Ну а я-то, я?! “Страшный человек!” Мне-то каково быть у них на подхвате в сорок лет? Конца этой истории не видно, да и есть ли он у неё, конец? Все эти чемоданы, может быть, лишь видимая часть айсберга, а что под водой?

— Ну-ну, — похлопал меня по плечу Овечкин. — Вы же патриот, Колыванов! Завязалась большая игра. Нам пока неизвестно, насколько сильно в неё втянуты Юрченко и Тихоненко, но мы точно знаем, что Тихоненко не оправдала надежд Юрченко, и он готовит её отставку. Не исключено, что это связано с провалом операции “Чемоданы”. Нам такое развитие событий выгодно, мы можем, используя раскол в рядах “оранжевых”, протолкнуть во власть на Украине пророссийские силы.

— Не обольщайтесь, — усмехнулся я. — Пророссийские силы на Украине — только в простом народе. А гетманы, старшины, полковники, президенты и прочая знать всегда были поражены вирусом измены.

Овечкин развёл руками: поглядим, мол. Поглядите, поглядите. Как “неполиткорректно” пошутил один знакомый издатель, живущий в Киеве: в душе “широкого украинца” одновременно уживаются партизан и предатель.

Но меня занимала другая мысль, пришедшая в голову, когда я случайно упомянул гостиницу, в которой принимала “гостей” Безносова.

— Послушайте, Евгений Семёнович, — сказал я. — Насколько я понял, вы по-прежнему не совсем доверяете мне. А Безносовой вы доверяете?

— Ещё в меньшей степени, чем вам, — без раздумий ответил он.

— Так-так... — проговорил я. — Значит, не очень-то она вам помогла.

Овечкин как-то неопределённо хмыкнул.

— Вот что, Евгений Семёнович. Что бы вы там обо мне ни думали, вы должны признать, что кое-какие аналитические способности у меня есть. Пусть я напортачил много лишнего, но ведь и помог же вам? Как бы вы без меня узнали про Шпигуна? И про “Донецкий люкс”?

— Я не отрицаю.

— Так дайте же мне возможность самостоятельно поработать — под вашим контролем, разумеется. А то в той роли, которую вы мне отвели, я совсем закис.

— Что вы имеете в виду под “поработать”? — насторожился подполковник.

— Ну, например, я хотел бы поехать с вашими парнями в гостиницу, про которую упомянул, и поговорить там кое с кем. Ваши люди, кстати, там были?

— Конечно. Они установили, что в этой гостинице Гарькавый и Безносова действительно встречались со Шпигуном и ещё двоими неизвестными.

— И всё?

— А что ещё надо?

Я хотел съязвить, но удержался.

— Надо выяснить кое-какие детали. Вашему расследованию это в любом случае не повредит.

— Вы, Колыванов, не темните, а выкладывайте начистоту, что вы там хотите делать.

— То, что я там буду делать, вам расскажут ваши сотрудники. Без их помощи мне не обойтись. Я хочу проверить некоторые свои соображения, о которых не хотел бы распространяться заранее, потому что они могут оказаться вздором. Но если они им не окажутся, то это сильно продвинет ваши поиски.

— Опять он говорит загадками... — вздохнул Овечкин. — Только в гостиницу — и всё?

— И всё.

— С Безносовой?

Я расхохотался.

- Конечно, нет!
- Нет, я боюсь другого: что в результате вашей поездки в отеле произойдёт очередная бойня. Такая уж у вас репутация.
- Обещаю всё делать в присутствии ваших людей. Только опрос персонала и, может быть, ещё кое-кого. Клянусь!
- Вы подозреваете кого-то из персонала? — осведомился полковник, глядя мне прямо в глаза.
- Можно сказать и так.
- Но какое отношение он вообще имеет к этой истории?
- Всё выяснится на месте.
- Ну что ж, — задумчиво проговорил Евгений Семёнович. — Не представляю, что там может выясниться, однако чутьё у вас, действительно, есть. Думаю, запрашивать санкцию вышестоящего начальства на такую поездку необязательно. Скажем, вас отвезут в гостиницу в рамках следственных мероприятий. Но по приезде прошу высказать мне все свои соображения, пусть они и не подтвердятся.
- Согласен. Только прикажите своим, чтобы они помогали мне. Показали в нужный момент “корочки” и тому подобное. И сделайте, пожалуйста, так, чтобы за мной не было слежки. Я имею в виду тех, кто, по вашим словам, крутится вокруг редакции.
- Хорошо. Выйдете через Совет Федерации. Там вас будет ждать машина с обычным, не нашим номером. Двух человек вам хватит?
- Но ведь один из них, наверное, будет присматривать за мной?
- Естественно, — хмыкнул Овечкин.
- Тогда давайте трёх. Не исключено, за кем-то из свидетелей придётся послать машину.
- А вертолёт не надо будет послать? Или роту спецназа?
- Вы знаете, не исключено, — без улыбки ответил я.
- Я начинаю жалеть, что в очередной раз связываюсь с вами, Колыванов.
- Виноват, пошутил.
- Ну, так-то.
- А ещё мне нужны фотографии Безносовой, Гарькавого, Шматько, Шпигуна, Немсадзе и Лепсая.
- Это можно. Но фото живых Гарькавого и Шматько у нас нет.
- Ну, что ж, — подумав, сказал я, — давайте мёртвых.

* * *

Гостиница представляла собой четырёхэтажный “новодел”, то есть бетонную болванку, обложенную красным кирпичом, которую втиснули между двумя неэстетичными “хрущёвками”, — вероятно, на месте детской площадки. “Точечная застройка”, как говорится. Назывался отель претенциозно — “Континенталь”, хотя, как я полагаю, к мировой системе “Континенталей” не имел никакого отношения. Уже одного взгляда на пижонский, в стиле “Центра Помпиду” фасад “Континенталья” с неизменным псевдопортиком из стекла и нержавеющей стали, было достаточно, чтобы понять: отель тянул только на “три звезды”, а “трёхзвездных” “Континенталей”, как известно, не бывает.

В сопровождении чекистов я прошёл прямо к управляющему. Он, узнав, что отель снова посетила ФСБ, сильно “завибрировал”. Был это до блеска выбритый молодой пузатый армянин в белой рубашке и галстучке-бабочке. Я его успокоил, заявив, что наша проверка не будет иметь для отеля никаких последствий, но при том условии, что помощь нам окажется действительной. Управляющий прижал руку к сердцу и заявил, что искренне готов к сотрудничеству.

— Вы, конечно, понимаете, — заявил, в свою очередь, я, — что искреннее сотрудничество предполагает полную откровенность и неразглашение предмета беседы.

— О, конечно, конечно!

Далее я попросил выяснить, кто из персонала, работавшего в день убийства Гарькавого, находится в наличии.

Большинство оказалось на месте.

— И вот теперь, Гурген Саркисович, откровенный вопрос. Допустим, я ваш клиент, и мне захотелось “отдохнуть”, как в таких случаях говорится, с особой противоположного пола. К кому из упомянутых лиц я мог бы по этому поводу обратиться за содействием?

Эфэсбэшники переглянулись, а Гурген Саркисович густо покраснел.

— Правилами это запрещено, — выдал из себя он.

— Но мы сюда, как вы сами понимаете, не с правилами приехали знакомиться, а за вашим содействием. Мы не собираемся искоренять институт интимных услуг в вашем отеле, нам нужна информация.

Управляющий задумался, потеревил бабочку, откашлялся.

— В принципе... есть подозрение... ничем, впрочем, не подтверждённое... что этим занимается Юрий Макаров... наш “секьюрити”... В тот день он работал.

— Давайте сюда этого Макарова.

Гурген Саркисович нажал кнопку “переговорника” и велел вызвать к нему Макарова.

Через минуту-другую вошёл рыжий веснучатый дылда, одетый точно так же, как Гурген Саркисович, — чёрные брюки, белая рубашка, галстук-бабочка. На груди его красовался бейджик, на коем было написано: “Defense*. Georg Makaroff”. Мы видели этого джентльмена в фойе, когда входили. Это был один из миллионов здоровых молодых людей, которые вместо того, чтобы трудиться на заводах и пашнях, изнывали, раскачиваясь с пятки на носок, у дверей отелей, борделей, офисов и банков.

— Слушай, Макаров, — сказал Гурген Саркисович, избегая взгляда рыжего “секьюрити”. — Я тебя давно предупреждал. Но ты меня не слушал. “Джордж” удивлённо поднял брови.

— И вот ты дождался. Короче: скажешь этим людям всё, о чём они тебя спросят. За последствия не беспокойся. Они обещали — их не будет.

Макаров исподлобья внимательно оглядел нас и кивнул.

— Вы не могли бы оказать нам любезность и оставить нас с господином Макаровым наедине? — попросил я Гургена Саркисовича.

Тот засопел, вылез из-за стола и покинул кабинет.

— Вот что, Юрий... Георгий... — поправился я, глянув на его бейджик. — Ты “секьюрити”, и мы “секьюрити”. Только мы служим не в отеле и не в борделе, как ты можешь догадаться. Но это не так уж и важно. Важно то, что “секьюрити” должны помогать друг другу. Всё, что ты скажешь, останется между нами. А о нашем приходе сюда ты можешь сразу забыть в целях собственной же безопасности. Понял?

— Чего ж не понять, — угрюмо отозвался mr Makaroff. — Я понятливый, в милиции служил.

— Ну, тем проще. Несколько дней назад, в твоё дежурство, здесь в “люксе” на четвёртом этаже остановилась вот эта девушка. — Я показал ему фотографию Безносовой. — Дело было утром. Сначала она сидела в ресторане с четырьмя мужчинами. Вот фото одного, — я показал фотографию мёртвого Гарькавого, — а вот другого, — я показал фото Шпигуна. — Помнишь их?

Юрий, нимало не смутясь видом Гарькавого, кивнул.

— Прекрасно. А этих? — я достал фото Немсадзе и Лепсяя.

— Этого помню, — Макаров указал на Немсадзе. — А другого нет.

“Эх, Овечкин! — подумал я. — “Что ещё надо?” — говоришь? Немсадзе-то твои пинкертоны прошили!”

— Девушка, — продолжил я, — сидела в ресторане недолго, поднялась в номер. Через некоторое время за ней последовали трое мужчин. Так или нет?

— Так.

— У мужчин были чемоданы?

* Защита (англ).

— Нет.
— И портёе не принимал у них чемоданов?
— Это надо спросить у портёе, но лично я чемоданов у них не видел.
— Хорошо. Через некоторое время — допустим, через час-полтора, — в этот номер поднялись ещё две девушки. Так?

Глаза у Макарова забегали, но он сказал:

— Так.

— Ты помнишь, что тебе сказал Гурген Саркисович? Вопрос: этих девушек вызвал ты?

— Нет. — Сказано было твёрдо, хотя в глаза мне по-прежнему “Джордж” не смотрел.

— Макаров, ты меня разочаровываешь. Мне что — позвать управляющего?

— Я их не вызывал, — упрямо твердил Макаров.

— И вообще этим никогда не занимался? — съязвил я.

— Почему никогда не занимался? — неожиданно ответил тот. — Договорились — начистоту и без последствий, так я готов. Занимался, не буду врать. Но девушки, которые пришли тогда в номер, не числятся среди моих... — он замаялся и нашёл слово, — ...клиенток. Говорю точно.

— А чыми же они были клиентками?

— Работает тут в округе один. Эскорт-услуги... Кстати, знакомый этой вашей девушки. — Он указал на фото Безносовой.

Вот как?!

Овечкин, Овечкин! Что бы ты без меня делал? Я почувствовал вкус удачи. Вот что значит: послушался первого сигнала мозга, поехал в отель!

— Как его зовут? — стараясь, чтобы мой голос звучал небрежно, спросил я.

— Кажется, Саша... Да у меня записано. — Макаров достал мобильник и принялся “листать” телефонный справочник. — Вот — Саша Харлан.

— Дай-ка глянуть. — Я взял у него из рук мобильник. Над номером было написано: “Такси. Саша Харлан”.

Такси?! Неужели и здесь — удача?

— А почему такси? — хрипло осведомился я.

— Ну, он под “бомбилу” работает... У него даже магнитный фонарь с “шашечками” есть, — такой, знаете, на крышу ставится, как “маяк”. Но на самом деле он почти не “бомбит”, а девчонок своих развозит. Фонарь с “шашечками” ему нужен, чтобы, например, парковаться у отелей.

Я переписал в блокнот телефон.

— Что у него за машина?

— Синий “фольксваген”. Не “клоп”, а такой, знаете, “пассат”.

— Номер не помнишь?

— Не помню. Мне это ни к чему. Я эту машину видел только через стекло, когда он здесь парковался.

— А откуда у тебя телефон Харлана? Безносова — девушка из “люкса” — дала?

— Нет, я этого Сашу и раньше знал. У нас даже договорённость была... — Макаров запнулся.

— Ну-ну?! Какая договорённость?

— Ну, допустим... происходит у нас в ресторане “корпоратив”. Клиенты “дозрели” до девочек, а тех, что у меня на примете, не хватает... Нет, вы поймите меня правильно, я не сутенёр, а только беру свой процент. Всем надо жить: и тем, кого потянуло на девочек, и самим девочкам... И мне, естественно, тоже. А правильно это или неправильно, мне по барабану. Если я не буду этим заниматься, найдётся кто-нибудь другой. У Саркисовича желающих хоть отбавляй. Он ведь тоже свой процент получает. Так вот: когда девочек не хватает, я звоню Саше, и он привозит. Между прочим, иногда он привозил и эту девушку из “люкса”, Безносову. Редко, правда. Она, похоже, бывает в Москве только наездами.

— Ага. А сам Харлан откуда?

— С Украины, из Днепрпетровска вроде...

Я закурил, чтобы перевести дух. Гарькавый и Безносова тоже были из Днепропетровска.

— Послушай, Юрий, — сказал я, несколько раз жадно затянувшись. — Вот ты — бывший милиционер, и глаз у тебя должен быть наметанный. Харлан — преступник или так просто, лох?

— Преступник, — не задумываясь, ответил Макаров. — У него даже ствол есть, но дело не в этом, он у многих сейчас есть. Саша ведёт себя как бывалый.

— А что это значит?

— Ну, он не боится никого. Тут же есть авторитеты, “крышующие” этот бизнес. Они Харлана не трогают. И он с ними вась-вась. Стало быть, он либо с ними в одной упряжке, либо “в законе”. Но, поскольку Саша действует в одиночку, он, скорее всего, “в законе”.

— То есть, ты полагаешь, что он уже сидел?

— Конечно.

Ах, Безносова! Провела всех, а самое главное, Гарькавого, который тоже был не новичок в преступном мире.

— Давай вернёмся к тому моменту, когда вызвали Харлана с девочками. Это сделала Безносова?

— Да.

— Но, по имеющимся сведениям, из её номера в тот день никто не звонил.

— А звонок по внутреннему телефону считается?

— Она позвонила тебе по внутреннему телефону и попросила вызвать Сашу с девочками?

— Нет, по внутреннему я таких разговоров не веду. Мало ли кто услышит. Она позвонила, я поднялся, она вышла ко мне в коридор и попросила, как вы говорите. Я сказал, что нет нужды звать посторонних, есть свои девочки, но она сказала, что клиенты хотят Сашиных, а ты, мол, внакладе не останешься. И я позвонил Харлану.

— Он быстро приехал?

— Да, минут через пятнадцать.

— И всегда так быстро приезжал?

— Ну, вы знаете, я бы не сказал. Ведь девочки могут быть на вызове, а он...

— Хорошо, — перебил я. — Что было дальше?

— А что дальше? Девочки, их было двое, поднялись в номер.

— Харлан поднялся с ними?

— Да.

— Он разговаривал в коридоре с Безносовой?

— Этого я не знаю, я с ними не поднимался. Но Саши не было минут десять.

— Как долго девушки находились в номере?

— В номере они были недолго, потому что всей компанией спустились в нашу сауну. Там они находились приблизительно часа два. Но точно сказать не могу, не засекал.

— Харлан за ними приезжал?

— Нет. Они ушли своим ходом, довольно податые.

— А клиенты?

— Клиенты заказали кофе и через полчаса тоже ушли.

— Во сколько это было, не помнишь?

— Часа в четыре-пять.

— Телефоны девушек, приехавших с Харланом, у тебя есть?

— У меня нет, но можно узнать через наших девочек.

— Узнай, окажи любезность. Только не вздумай звонить Саше и предупредить его. Боря, — попросил я чекиста, который, кстати, шёл за мной в день знакомства с Овечкиным, — проследи.

Они вышли, а я посмотрел на своих эфэбэшников, которые, судя по скуучающим мордам, мало что поняли из нашей беседы. Их физиономии несколько оживлялись лишь тогда, когда речь заходила о девочках. В дверь деликатно постучали, и в кабинет заглянул хозяин, Гурген Саркисович.

— Простите, вы ещё не закончили? — откашлявшись, осведомился он.

— Ещё несколько минут, и кабинет в вашем распоряжении, — как можно шире улыбнулся ему я. — Но в гостинице мы ещё задержимся.

— Нет-нет, я не по этому поводу. Сидите сколько угодно, я же понимаю — служба. Я только хотел сказать, что вы очень нас обяжете, если отобедаете в нашем ресторане. Кухня прекрасная: европейская, кавказская, азиатская — какая угодно. Широчайший выбор напитков.

Я с сочувствием посмотрел на своих спутников. Конечно, они бы не отказались отобедать. Но до обедов ли теперь? Да и сомнительная роль Саркисовича в деле оказания интимных услуг клиентам “Континентала” не позволяла воспользоваться его хлебосольством. Чекистам, во всяком случае. Я же, лично безответственное, обязательно бы пообедал. Но только не сегодня.

— Извините, дела, — развёл руками я.

Управляющий изобразил гримасу сожаления и скрылся.

— Развёл тут притон, толстая морда, — неприязненно сказал чекист по имени Анатолий. — Ещё бабочку нацепил, сука!

Я ждал, что кто-нибудь из них упрекнёт меня за отказ от соблазнительного предложения отобедать, но они, надо отдать им должное, молчали.

Вошли Макаров с Борей, “секьюрити” молча протянул бумажки с телефонами. Девушек звали Лида и Аня.

— Вы нам очень помогли, господин Макаров, — сказал я. — Думаю, излишне напоминать вам о необходимости хранить молчание о нашем разговоре.

Рыжий прохиндей с бабочкой энергично закивал и ретировался. Я сказал Борису:

— Давай снова за ним. Если он попытается кому-нибудь звонить, отбери телефон. А ты, Толя, — попросил я другого чекиста, — выйди, пожалуйста, в коридор и проследи, чтобы никто не торчал с той стороны у двери. Мне надо позвонить Овечкину.

Я коротко пересказал полковнику содержание разговора с Макаровым. Он был поражён и крайне раздосадован, чувствовалось по голосу, нерасторопностью следователя, проводившего дознание в “Континентале”. Я предложил Овечкину вызвать через Макарова Харлана с Аней и Лидой в “Континенталь”, якобы для оказания “услуг”, и здесь провести операцию по задержанию.

— Только пришлите сначала квалифицированное подкрепление. Харлан, по словам Макарова, вооружён. Наша троица, конечно, с ним справится, но он после этого может оказаться немного неживой, как парни в “тойоте”. А Харлан вам нужен живой.

— Ясно, высылаю, — коротко ответил Овечкин.

— Неужели ты думаешь, что мы не сможем взять живьём какого-то гнилого сутенера, даже если он со стволом? — обидчиво спросил Сергей, третий эфэбэшник, когда я повесил трубку.

— А, профессиональная гордость заговорила! — засмеялся я. — Это хорошо. Что ж, извини, если ненароком обидел. Только ты зря лезешь в бутылку. Это не простой сутенёр, раз он смог перехитрить таких авторитетов, как Гарькавый, Шпигун, Немсадзе и Лепсай. Если он что-то почует, а вы не сможете сразу на него надеть наручники, он поведёт себя, как гангстер из американского боевика. Например, возьмёт в заложницы своих потаскух. Или потаскухи просто разбегутся, когда вы будете его брать, а они, между прочим, свидетельницы. А может быть, и сообщницы. Вам нужен этот геморрой? Нет, уж лучше действовать наверняка.

* * *

Увы, наверняка не получилось.

Мобильник Харлана был надёжно отключен. Где он мог находиться и где вообще обитает, Макаров, по его словам, не знал. Это же в один голос твердили задержанные Аня и Лида. Харлан якобы не появлялся и не звонил им аккуратно после их визита в “Континенталь”, и ни о каких его делах с Безно-

совой они не знают. Их всех увезли на Лубянку, чтобы там освежить память, и начали трясти гостиничную службу, включая макаровских шлюх, чтобы получить какие-то наводки на Харлана. Можно было попытаться выяснить всё это прямо у Безносовой, но, поскольку она оказалась такой изворотливой лгуньей, Овечкин решил не спешить, — и правильно. Опыт показал: с Безносовой следует действовать наверняка. Тем более что Овечкин был не совсем уверен в обоснованности моих подозрений.

Мы сидели с ним в мишаринском кабинете на втором этаже. Обескураженный полковник притащил бутылку коньяку, чего с ним раньше никогда не бывало. Этажом выше, прямо над нами, осваивала компьютер коварная Безносова.

— Что навело вас на эти подозрения? — допытывался Овечкин у меня, как доктор Ватсон у Шерлока Холмса.

— Жизнь с Безносовой под одной крышей. Она хитрый и до предела практичный человек, но совершенно не способна к абстрактному мышлению. А между тем, во время второй нашей встречи у меня дома, когда я её спросил: “Грузины — это третья сила?”, она сказала, что в этом деле может быть и третья сила, и четвёртая, и пятая — целая цепочка. Клиенты, говорила она, не стали бы так нервничать, если бы приобретали товар для себя. Ведь пропали чемоданы, за которые они ещё ничего не платили. Но они сами рассчитывали быстро “наварить” на них деньги. Из слов бандитов Безносова якобы поняла, что клиенты брали товар не для себя, его уже ждали другие клиенты. А они должны были ещё кому-то перепродать. То есть всё дело в “наваре”. На него рассчитывала вся цепочка, а тут кто-то увёл из-под носа чемоданы. И они все думают друг на друга, что кто-то решил толкнуть товар последнему клиенту самостоятельно. Или нашёл нового клиента, с большими деньгами. Что же касается грузин, то она не знает, были ли они в “цепочке”, но почему бы им не быть? Теперь скажите мне: слышали ли вы от неё подобные логичные умозаключения, когда её допрашивали?

— Нет, — признался Евгений Семёнович.

— Вот-вот! Вспомнив эти её размышления, когда мы прожили с ней вместе несколько дней, я подумал: нет, это были не размышления, потому что она о более простых вещах рассуждала куда примитивней.

— А что же это было? — гнул линию Ватсона Овечкин.

— Она просто выказала свою осведомленность о реальном состоянии дел, вот и всё! Проговорилась! Не исключено, что перед нами — стиль рассуждений господина Харлана. Но это не единственное, что вызвало у меня подозрение. В том разговоре я спросил Безносому, а откуда убийцы узнали, что Гарькавого надо “пасти” возле Битцевского парка? — и сам же ответил: “Им об этом сказали либо Шматько, либо ты”. Но потом я пришёл к выводу, что Шматько вообще не нужно было убивать Гарькавого, во всяком случае, возле моего дома: имея ключ, он мог поехать ко мне и спокойно забрать чемоданы. К тому же Шматько не признался и под нечеловеческими пытками, что участвовал в похищении чемоданов, а он был вовсе не герой. В каком-то смысле признание было его единственным шансом если не сохранить жизнь, то оттянуть казнь. Значит, в заговоре участвовала Безносова, в чём и уверял бандитов Шматько.

— Что ж, не исключено, — сказал, потирая лоб, полковник. — Однако, по-вашему, выходит, что Харлан отвёз Гарькавого из “Континенталь” в Битцевский парк, а потом из Битцы — к вашему дому, где застрелил его и завладел чемоданами. В то же время нам известно, что именно Харлан привёз проституток в “Континенталь”, когда Гарькавый, по всем раскладам, должен был уже быть в Битце. Что же получается: Харлан высадил Гарькавого в лесопарке, потом, по звонку от Макарова, повёз девочек в отель, а потом поехал снова в Битцу за Гарькавым? Как вы себе это представляете? Гарькавый выходит на шоссе в Битце, и перед ним снова тормозит “фольксваген” Харлана? И Гарькавый, с его-то подозрительностью, в него садится?

— Я думал об этом, — кивнул я, наполняя рюмки. — Мне кажется, снять эти вопросы не так уж трудно. Скажите, среди вещей убитого Гарькавого был мобильный телефон?

— Да.

— С российской сим-картой?

— Нет, с роумингом какого-то украинского оператора.

— Хорошо. Вы можете позвонить туда, где хранятся вещдоки, и выяснить, есть в телефонном справочнике Гарькавого слова “таксист”, “тачка”, “машина”, “Саша”, “Харлан”?

— Вы думаете?.. — поднял брови подполковник. — Попробуем.

Овечкин быстрым точным движением осушил рюмку и позвонил на Лубянку.

Через некоторое время, выслушав ответ, он сообщил с заблестевшими глазами:

— Есть запись “Такси в Москве”. Какой телефон? — спросил он уже в трубку. — Записав номер, он протянул его мне. — Действительно, телефон Харлана! — Он потянулся к коньяку, избегая встречаться со мной глазами. На его лице снова проступило выражение доктора Ватсона.

— Неплохо бы получить распечатку всех телефонных адресов Гарькавого, — как можно невинной сказал я, отлично понимая, что сыплю соль на рану.

— Получим, — буркнул Евгений Семёнович. — Стало быть, вы полагаете, что Гарькавый всегда пользовался услугами Харлана, приезжая в Москву?

— Всегда не всегда, а пользовался, если записал телефон. Безносова сказала, что в последний приезд он категорически отказывался ездить в машинах московских сообщников и клиентов. Но планы Гарькавого требовали быстрого перемещения по городу. Своего автотранспорта у него здесь не было, а ловить каждый раз такси — потеря времени. И вот, я думаю, Безносова ему предложила: есть, мол, один знакомый хлопец, наш, днепропетровский, зарабатывает извозом, можно заарендовать его машину и вызывать в любое удобное время. Так что, полагаю, Харлан не только возил Гарькавого из “Континенталья” в Битцу и из Битцы к моему дому, но, может быть, накануне привёз всю троицу ко мне с Курского вокзала и утром увёз от меня Гарькавого и Безносову в “Континенталь”. Хотя это уже непринципиально.

— Тогда непонятно, зачем он рисковал, связавшись с доставкой проституток в “Континенталь”. Ведь он мог просто не успеть вернуться по вызову Гарькавого в Битцевский парк, застрять в пробке, да мало ли ещё что?

— Вы забываете, что он не только привёз проституток, а около десяти минут общался с Безносовой — в коридоре отеля, очевидно. Думаю, Безносовой были известны не все детали плана передачи товара и получения денег. Утром она сначала сидела в ресторане “Континенталья” вместе со Шпигуном, Немадзе и с кем-то третьим, а потом Гарькавый сказал: “Иди к себе наверх, солнышко. Нам надо конкретно побазарить”, и Безносова была вынуждена уйти. Это, кстати, подтверждает и Макаров. После завершения переговоров Гарькавый уехал в Битцу, а остальные поднялись в номер угоститься Безносовой. Так было нужно, прежде всего, Гарькавому, чтобы подольше задержать подельников в отеле. Но подольше не получалось, потому что они оказались, по словам Безносовой, импотентами. И тут произносится слово “виагра”. Безносова утверждает, что мысль о таблетках пришла самим клиентам, а я думаю, что предложение исходило именно от неё. Она, наверное, прикинулась неудовлетворённой, и это уязвило мужское самолюбие наших селадонов. Когда же они приняли препарат, и он подействовал, одной Безносовой им, конечно, показалось мало. И тут она предлагает: хотите, через пятнадцать минут здесь будут ещё две девочки? Такой вариант, видимо, был у них обговорен с Харланом в случае, если потребуются дополнительная информация для него. Клиенты же, согласившись на “продолжение банкета”, неизбежно начинают обсуждать, сколько в их распоряжении остаётся времени до “стрелки”. Именно эта информация и нужна Харлану, чтобы точно знать, как действовать, когда Гарькавый вызовит — или не вызовит — его из Битцы. Напрямую звонить сообщнику Безносова не может, она вызывает наверх Макарова и заказывает Харлана с девочками через него. Те, наверное, уже находились в полной готовности.

— Да, они показали, что ждали в кафе неподалёку от “Континенталь”, — кивнул Овечкин. — Харлан позвонил им ещё утром.

— Вот. Сам Харлан, отвезя Гарькавого в Битцу, крутился, видимо, где-то неподалеку. Он забирает проститутку, едет в “Континенталь”, поднимается наверх вместе с девочками, а Безносова, выбравшись из-под какого-нибудь пыхтящего Немсадзе, накидывает халатик и выходит к Саше в коридор — якобы оговорить условия. Харлан получает нужную информацию и едет, скорее всего, в место, равно удалённое и от Битцы, и от моего дома, чтобы в том случае, если Гарькавый его вдруг не вызовет, ехать к моему дому самостоятельно и ждать Гарькавого с чемоданами там. Ну, а насколько всё сказанное мной соответствует действительности и где теперь чемоданы, мы можем узнать только от Безносовой. Послушайте, Евгений Семёнович. Ведь я, как у вас говорится, оправдал ваше доверие, когда поехал в гостиницу? Давайте я попробую расколоть Безносому — в вашем, конечно, присутствии. Я её немного изучил: ведь мы с ней, как-никак, почти семья.

Овечкин ухмыльнулся и выпил ещё коньяку.

— Не возражаю. Вы правы, необходимо переводить операцию в завершающую фазу. Не исключено, что перед нами — шанс. Пошли. Только прошу без фокусов.

* * *

Мы поднялись в мой кабинет.

Безносова подкрашивалась, изучая в зеркало поры своего лица с усердием энтомолога. На наше появление она никак не отреагировала, хотя, судя по быстрому взгляду, брошенному на нас, ей всё же было интересно, где я пропал столько времени.

— Ну что же, Юлия, — бодро сказал я. — Жаль, конечно, но настала пора нам прощаться.

Она уставилась на меня поверх зеркальца.

— В каком смысле?

— Ну, в смысле, что ты теперь будешь жить в тюрьме, а не у меня, и сюда тебя тоже возить не станут.

Пудреница выпала из рук Юлии.

— Почему в тюрьме? — Она так резко повернулась к Овечкину, что бьет её колыхнулся в противоположную сторону. — Вы же обещали!..

Тот, неплохо играя свою роль, с видом сожаления развёл руками.

— Видишь ли, — терпеливо объяснил я, — раньше ты не считалась соучастницей в преднамеренном убийстве, а на остальное Евгений Семёнович мог закрыть глаза. А теперь...

В глазах Безносовой плеснулся страх.

Она была моя.

— В каком убийстве? — пролепетала Юлия.

— Ну, в том самом, — сказал я как о чём-то само собой разумеющемся, — которое вы задумали и осуществили с этим... как его... Харламовым. Или нет — Харланом. Правильно?

Безносова разинула рот. Лицо её побелело, точнее, посинело.

— Тут тяжёлая статья, — сокрушённо продолжал я, как бы размышляя. — Харлану светит пожизненное заключение, а тебе — не меньше пятнарика. Сама понимаешь, Евгению Семёновичу стало рискованно держать тебя на особом положении. Тем более что оно не имеет никакого смысла. — Я нажал на слово “никакого”.

— Почему не имеет? — мгновенно оживилась она, попавшись на эту удочку. — Ведь я же помогала! И ещё помогу! Ведь без меня... как же без меня?

— Дело в том, Юлия, — покачал головой я, — что ты обманывала Евгения Семёновича, и в действительности твоей помощи он, мягко говоря, сомневается. Я вот упрашиваю его оставить тебя. Но он отвечает за операцию перед начальством. Сама понимаешь, что...

— Евгений Семёнович! — взмолилась Безносова, вскочив на ноги. Казалось, от желания переубедить Овечкина она даже подпрыгивает на месте. — Я не хочу в тюрьму! Простите меня! Я больше не буду вас обманывать! Я буду по-настоящему помогать!

— Юля, это детский сад, — поморщился я. — Евгению Семёновичу не твои благие намерения нужны, а дела. Ты готова?

— Да, да! — кричала Безносова Овечкину, будто это он разговаривал с ней.

— Ты прямо *сейчас* готова?

— Да!

Тут, экспромтом (всё-таки мы с ним сработались!), вступил в свою партию Овечкин.

Он тихо спросил:

— Так где же Харлан и чемоданы?

Юлия рухнула обратно на стул.

— Так вы... вы не знаете?! — с ужасом воскликнула она.

— Безносова, — грубо, с интонацией “злого следователя” сказал я, — если бы мы знали, на кой хрен бы ты нам сдалась? С тобой бы разговаривали в другом месте. Торопись, это твой последний шанс. Тебе больше его никто не предоставит, если мы сами найдём Харлана и чемоданы.

— Откуда же я знаю, где эти чемоданы?! — с отчаянием закричала она.

Я ощутил ледяной холодок подступающего разочарования.

— Как откуда? — спросил я, не глядя в сторону своего Ватсона. — Куда вы должны были их отвезти после убийства Гарькавого?

— Саша не говорил, куда! Меня это не касалось!

— Где сейчас может быть Харлан?

— Не знаю! Он снимал квартиру в Текстильщиках, но выехал оттуда накануне сделки.

— Как же вы должны были держать связь?

— По телефону!

— Какому?

Она назвала номер мобильного телефона Харлана, который был уже известен нам.

Круг замкнулся.

* * *

Без особой надежды на успех послали группу захвата на бывшую квартиру Харлана. После этого снова приступили к допросу Безносовой. Она сидела, опустив голову.

— Ну, теперь-то ты скажешь, что в этих чемоданах? — спросил я.

— Стоп! — поднял палец вверх Овечкин. — Это она скажет мне одному.

Вот гадство! Я почувствовал себя уязвлённым. Стараешься-стараешься для них, а как доходит до самого интересного, они тебе напоминают, что ты не имеешь допуска к секретности. Хорошо же! Пусть дальше вкальвает один. Я сложил руки на груди и откинулся на спинку стула, возведя глаза к потолку.

Наступила пауза. Овечкин искоса зыркнул на меня, но я не отреагировал. Работай, работай, гад, тебя этому учили! Евгений Семёнович пожевал губами, видимо, думая о том, выставить меня из кабинета или нет, но так и не надумал и, откашлявшись, спросил:

— В день преступления Гарькавый перемещался по Москве в машине Харлана?

— Да, — кивнула Безносова.

Что бы ты делал без меня, Овечкин?

— Это ты порекомендовала Гарькавому Харлана в качестве водителя? — продолжал полковник.

— Я.

— Кто такой Харлан?

— Наш, днепропетровский... Мы с ним встречались. Он после армии отсидел за грабёж, а потом всё искал, где зашибить побольше бабла. Уехал в Москву, чтобы создать фирму по оказанию эскорт-услуг.

— То есть бордель с девочками по вызову?

— Ну да... Он этим и в Днепропетровске занимался, но у нас девочка стоит сто гривен, то есть двадцать долларов, а в Москве — в пять раз дороже... Договорились, что я ему буду помогать.

— Каким образом? Ездил по вызову в Москву из Днепропетровска?

— Нет, я ездила редко, потому что уже сошлась с Гарькавым, а он любил меня таскать всюду с собой. Я присматривала для Шуры девушек, которые хотели бы поехать в Москву... давала им его координаты...

— То есть занималась сводничеством. Каким же образом Харлан оказался втянут в историю с чемоданами?

— Ну, он всё спрашивал меня, чем занимается Гарькавый... Вокруг Коли всегда крутились большие бабки. Он был “смотрящим”, через него шли “откаты”...

— Так, так, подожди... — замигал Овечкин. — Ты вот что, давай понятней: над кем он был смотрящим и откуда шли откаты? И, самое главное, кому?

— Я в этом сама не сильно разбираюсь... Ну, вот, например, получает какая-нибудь посредническая фирма, с помощью того же Коли, у которого наверху всё было схвачено, квоты на торговлю нефтью... или там газом... оружием... Фирма должна дать откат “шишкам”, выделяющим квоты. Передача денег, отмывка, обналичка, если нужно, — задача Коли. С этого он имел свою долю. Занимался он ещё политикой, наркотиками... Шура ему завидовал, говорил: вот, мол, мужик при крупных делах, а тут мелочёвкой приходится заниматься, прошмандовок возить. А однажды спрашивает: ты с кем вообще хочешь по жизни быть — со мной или с Гарькавым? Я говорю: вообще с тобой, но ты же меня не зовёшь. А он: “Деньги нужны, здесь тоже на эскорт-услугах много не заработаешь, всем приходится отстёгивать, чтобы удержаться на плаву. А без больших денег какая у нас тобой будет жизнь? Будем вечно дыры латать, без угла своего, без счёта в банке, без детей. В жизни надо обязательно хотя бы раз сорвать крупный куш”. “Где ж его взять?” — спрашиваю. “Да у Коли твоего, — говорит. — Вот он возит тебя на переговоры, на сходки разные, ты бываешь в курсе сделок...” Я обалдела. “Что ж, по-твоему, Коля дурак? — говорю. — Когда заключаются сделки, я сижу в гостиничном номере и жду, когда какой-нибудь боров придёт меня на четыре точки ставить”. Он нахмурился и опять своё: “Всё равно ты, если будешь внимательной, можешь уловить, что к чему. Да и боров, который приходит к тебе, тоже ведь участник сделки. Можно подмахнуть ему так классно, чтобы он потом разговорился. Мне бы, например, хоть раз пересечься с Гарькавым, когда он будет с большими деньгами. Или, на худой конец, с товаром. Товар я тоже найду, куда толкнуть”. “Ну, спасибо, — говорю, — теперь я буду работать в постели на Колю и на тебя! А ты у меня спросил: каково мне подмахивать этим боровам? Тем более что всё это без толку. Если ты уведёшь у них деньги или товар, они тебя под землёй найдут. И меня тоже”. “Не рискнув, не сорвёшь никогда куша, — отвечает. — Ты думаешь те, кто сейчас наверху, не рисковали? Та же Юля в тюрьме сидела. Запомни: никто просто так, за здорово живёшь, наверх не выбивается. Вот Юрчик Прыщавый: не рисковал, не сидел в тюрьме, — всё для него Юля делала. Но и ему пришлось мордой лица заплатить, чтобы стать первым! Нет, просто так ничего не бывает! Если всю жизнь промышлять по мелочи, то и останешься навсегда мелочью. Вот тебя, например, что ждёт дальше? Изотрут тебя до выпадения матки твои борова, и Гарькавый себе найдёт другую красотку. Куда ж тебе тогда? В эскорт-услуги? На иглу? На кладбище? Ты думала об этом? Все живут для того, чтобы рано или поздно сорвать куш, и человечество делится на тех, кому это удалось и кому не удалось. Да, нас будут искать и под землёй, если нам удастся, а мы будем прятаться. А ты как хотела? В жизни никто никого не пускает за флажки. Тот, кто вырвался из круга, должен долго бежать. А то нагонят и ноги

вырвут. Но другого пути нет, понимаешь? Гарькавый — это шанс. Нет смысла рисковать попусту. А тут реальный, конкретный чувак, от которого за версту несёт охрененными бабками! Или, может быть, ты его любишь?”.

Нет, Коло я не любила. Если бы он не подкладывал меня всё время под других мужиков, я бы, конечно, на что-то надеялась, а так... И я согласилась на предложение Шуры. Правда, возможности выведать, когда Коля получает деньги или товар, долго не было. Зато в один из приездов с Гарькавым в Москву я познакомила Коло с Шурой, порекомендовав его как водилу. В Москве Гарькавый мне больше доверял, потому что своих людей у него здесь было мало. В тот раз он ничего не передавал и не получил, только тёр базары — со Шпигуном, с донецкими, грузинами, ещё с какими-то крутыми дядями. Нам с Шурой стало ясно, что наконец-то намечается что-то серьёзное, — скорее всего, как я поняла из разговоров, которые слышала, передача товара по цепочке. Причём всю цепочку знал только Коля, а те, с кем он тер базары, друг друга не знали, кроме Шпигуна и донцевых. Через месяц Коля говорит, что мы снова едем в Москву, да ещё почему-то поездом, в секретной обстановке. Я успела предупредить по телефону Шуру. На Курском вокзале Гарькавый и Шматько взяли из камеры хранения чемоданы.

— Вас встречал на своей машине Харлан?

— Нет, мы сели на обычное такси, пропустив для верности первые две машины. Когда мы приехали на хату к Кольванову, я в туалете послала Шуру “эсэмэску”: “Увага! Чемоданы!”. Так и началась охота.

— Стало быть, вы нацелились на товар, а не на деньги? — уточнил Овечкин.

— Шура, когда привёз в гостиницу девочек, сказал мне в коридоре, что работать придётся по обстоятельствам. У Гарькавого и Шматько при себе были стволы, потому-то, видно, мы не полетели на самолёте. Нападать на них обоих было стрёмно, а получится ли так, что кто-нибудь из них останется один с чемоданами или с деньгами, мы не знали. И только на хате у Кольванова, из разговора Коли с Олегом, стало ясно, что с утра они разъедутся: один в “Континенталь”, другой — готовить “стрелку”. Я снова пошла в туалет и послала Саше ещё одну “эсэмэску”. Поскольку я тоже ехала в гостиницу, значит, предстояло работать под клиентами. Я сообщила Саше и об этом. Он ответил, чтобы я задержала их как можно дольше, пока он будет возить Коло. В дальнейшем он мне велел звонить или посылать “эсэмэски” только в крайнем случае. Связь — через вызов такси или девочек.

— Но Харлана с проститутками вызвал охранник гостиницы Макаров. Он что — был вашим сообщником?

— Нет, просто у них был один и тот же бизнес. Они сотрудничали, — пояснила Безносова.

— Ну да, — усмехнулся полковник, — вас, дур, под мужиков подкладывали. Но если они были связаны только сутенёрским бизнесом, как ты объяснишь, что переговоры проходили именно в той гостинице, которую Макаров с Харланом превратили в бордель?

— Так этот “Континенталь” Шура Коле и рекомендовал, когда тот в прошлый приезд спросил, знает ли он в Москве какой-нибудь тихий отель.

— Как вы с Гарькавым добирались утром до “Континенталья”?

— Коля вызвал Шуру.

— А на чём поехал в Битцу Шматько?

— Этого я не знаю.

— Шматько был знаком с Харланом?

— Нет. Он его увидел первый раз в жизни, когда Шура подъехал к дому Кольванова на своём “фольксвагене”.

— Выходит, Шматько не знал, что Гарькавый нанял Харлана для поезда по Москве?

— Откуда ему было знать? В тот раз, когда Коля договорился с Шурой, что тот будет его водилой, Олега в Москве не было. А на хате у Кольванова Гарькавый просто сказал: “Надо вызвать такси” и позвонил по мобилке Шуру. Если бы Шматько знал, что у Коли был в Москве свой водила, он обязательно бы сказал об этом в лесу, когда его пытали.

— Логично. Итак, Харлан в конце концов с твоей помощью выждал момент, когда Гарькавый один вышел с чемоданами из дома Кольванова, застрелил его и завладел товаром. Что он с ним дальше собирался делать?

— Сначала он собирался залечь на дно, а уж потом заниматься товаром.

— Но как?

— Вся “цепочка” в принципе была ему известна по моим рассказам. Причём он знал куда больше, чем я, потому что пробил по своим каналам всех, с кем Гарькавый встречался в прошлый приезд в Москву. Шура говорил, что те, кому нужен товар, обязательно его купят, неважно у кого. Нужно лишь разработать план, как получить деньги и остаться в живых. Что он придумал, не знаю. Все эти разговоры велись во время нашей прошлой встречи в Москве.

— А не проще Харлану было бы взломать квартиру Кольванова, когда там никого не было, и забрать чемоданы?

— Не знаю, мы об этом не говорили — у нас даже возможности такой не было. Да и не стал бы Шура среди бела дня взламывать хату, он не любил попадаться на мелочах. А вообще ему больше хотелось перехватить деньги, а не товар.

— Гарькавый приехал в Битцу на машине Харлана, удостоверился у Шматько, что всё подготовлено к “стрелке” и обмену, забрал ключ от квартиры Кольванова, вызвал по мобильному Харлана и поехал за чемоданами. Как ты думаешь, почему потом, после убийства, ни Шматько, ни бандитам не пришлось в голову проверить водителя машины, на которой приехал и уехал Гарькавый?

— Я, конечно, в это время в лесу не была, но уверена, что Коля к самому месту “стрелки” на Шуриной машине не поехал, вышел где-то на шоссе и туда же велел приехать Шуре, когда собрался за чемоданами. Эти люди чужим места “стрелок” не показывают. Мне кажется, никто из бандитов в лесу не знал, на чём приехал и уехал Гарькавый. Во всяком случае, они про это ничего не говорили.

— Похоже на правду, — задумчиво промолвил Евгений Семёнович и посмотрел на меня. — Да и довольно большой отрезок времени, проведённый Гарькавым в Битце, говорит о том, что он шёл к месту сходимки пешком и таким же образом возвратился на шоссе.

Я кивнул, по-прежнему гордо храня молчание. Овечкин посопел и снова повернулся к Безносовой.

— Ты говорила, что Харлан обдумывал, как вам остаться в живых после похищения денег или товара. Ну и как же предполагал обезопасить лично тебя?

Юлия вздохнула.

— Сутки или двое я должна была перекантоваться у Ани, его девочки, на съёмной квартире. Потом он обещал меня забрать. Мне бы сразу уйти из гостиницы... Но он велел дожидаться звонка: мало ли, операция сорвётся, а я раньше времени сделаю ноги... Ждала-ждала и уснула. Даже не знаю, как это произошло: я ведь нервничала ужасно... Выпивка, наверное, сказала, да и с козлами этими старыми возиться устала... А Шура так и не позвонил. Даже не знаю, почему. Или он меня кинул, или у него что-то не так. Ну а дальше вы знаете: в отель приехали бандиты и повезли меня в лес.

— Значит, Харлан мог позвонить этой Ане или даже появиться у неё?

— В принципе, мог.

— Что же ты раньше не сказала?!

— Вы не спрашивали, — последовал классический ответ.

Овечкин со злым лицом стал звонить — очевидно, следователям на Лубянку.

— Березкин? Задержанная проститутка, зовут Анна, дала показания? Так. Что говорит? И всё? Харлан после убийства не выходил на неё? Говорит — нет? Потряса её хорошенько, очень может быть, что она врёт.

— Да нет, скорее всего, не врёт, — сказала Безносова, когда Евгений Семёнович повесил трубку. — Если он меня бросил, то и её бросил. Только я думаю, что-то здесь не так. Слишком много я знаю, чтобы меня просто

взять и бросить. Что-то у Шуры не получилось, наверное. Может, и чемоданы-то вовсе не у него.

— Приехали! — опешил Овечкин. — А у кого?

— Да вот хоть у него! — Юлия со злобой указала на меня. — Вы ему верите, а у него возможностей прибрать товар было больше! Между прочим, когда бандиты меня к нему послали, я тоже думала, что это он заныкал чемоданы!

Евгений Семёнович прищурился и посмотрел на меня взглядом, который я запомнил ещё при первой нашей встрече.

Смотри, смотри, дурилка-Ватсон! Может, что-нибудь и высмотришь!

— Ну что ж, — вздохнул я. — Придётся всё начать сначала.

* * *

Мои индуктивно-дедуктивные открытия привели к тому, что в уравнение со многими неизвестными, которым являлось дело с чемоданами, добавилось ещё одно — исчезновение Александра Харлана. Конечно, не обнаружили его ни на бывшей квартире, ни на квартире у проститутки Ани. Искали, наверное, его синий “фольксваген-пассат” — но, судя по молчанию Овечкина, безрезультатно. Это и понятно: скорее всего, Харлан сменил номер, а “фольксвагенов” таких в Москве — тьма. Да и кто сказал, что Харлан в Москве?

В моей жизни произошло лишь одно изменение, впрочем, немаловажное: Безносову забрали от меня на квартиру проститутки Ани, где организовали засаду на Харлана. Правда, каждый день её зачем-то исправно возили ко мне в “Новую Россию” — “на работу”. Зачем, я не знаю: в бесплодных хитро-сплетениях овечкинских замыслов я устал разбираться. Наверное, ночью Безносова служила приманкой для Харлана, а днём — для “кинутых” Харланом “клиентов”.

Я ощутил счастье, которое раньше мало ценил, — я жил один! Пусть под наблюдением, пусть под камерами — но один! Без этой красивой стервозной шлюхи, так отравлявшей моё существование. Целый день я проветривал квартиру, чтобы избавиться от запаха её парфюма, даже насморк заработал. Зато я валялся на диване, безраздельно владел пультом от телевизора, принимал душ, когда хотел, и перекусывал, когда заблагорассудится. Я чувствовал себя так, словно избавился от опостылевшей до тошноты жены. Но удивительное дело: уже на другой день своего пленительного одиночества я стал думать о Виктории. Как там она? Осталось в ней хоть что-то от чувства ко мне, о котором она говорила в свой последний, такой памятный приход? Почему-то мне это было совсем не безразлично.

В конце концов, я решился: плюнул на конспирацию и набрал Виккин номер по “эфэсбэшному” мобильнику (пусть слушают!). Она сразу отозвалась, поскольку номер был ей неизвестен:

— Алло.

— Привет, Вика! Это Кольванов. — Эхо повторило мои слова, что означало, как говорят знатоки, что телефон — на “прослушке”.

В ответ — молчание.

Я откашлялся и продолжил:

— Решил вот позвонить. Хотел сказать, что та женщина у меня в квартире — просто недоразумение. Её появление связано с тем делом, о котором я тебе говорил...

— Ах, дело! — нараспев отозвалась, наконец, Виктория. — Мне кое-что объясняли насчёт него твои эээ... товарищи, или кто там они тебе. Правда, о женщине они ничего не говорили. Она тоже проходит как свидетель по вашему загадочному делу?

— Конечно!

— И поэтому она ходит без нижнего белья?

— Ну да... то есть нет! — торопливо поправился я. — Она так ходит по своей надобности, к делу это не относится.

— Значит, она к тебе пришла по надобности, а не по делу?

— Нет, она ко мне пришла именно по делу.
— Странно. Зачем же она тогда сняла бюстгальтер?
— Откуда я знаю, зачем вы сейчас снимаете бюстгальтеры, когда идёте по делу? — разозлился я.

— Ну, это смотря какое дело. Если оно связано с определённой, как ты говоришь, надобностью...

— Да ничего не связано! Не жонглируй словами! Я её видел всего лишь второй раз в своей жизни! Он ночевала у меня с Гарькавым и Шматько накануне их смерти.

— Ах, вот оно что! И после этого вы перешли на “ты”?

— Почему после этого? Сразу перешли. Она же не дама с высшим образованием, как ты.

— А кто же она?

— Днепропетровская Кармен, если тебе интересно.

— Конечно, интересно. Девушка — днепропетровская Кармен, а пришла почему-то ночью к тебе.

— Говорю тебе — по делу!

— По какому же, если не секрет?

— Да в том-то и дело, что секрет! Ну, помнишь, я тебе говорил...

В телефоне щелкнуло, и раздалась короткая гудка. Пока я размышлял, что бы это значило — Вика ли в сердцах отключилась, или произошёл обрыв связи, — запиликал мобильник. Ага, сама звонит, хороший знак! Но меня ждало разочарование. Когда я взглянул на дисплей, то увидел: “Подавление номера”. Этой опцией пользовались мои друзья-чекисты. И точно: ответив, я услышал голос Овечкина:

— Василий Петрович, так мы не договаривались! Вы же давали подписку о неразглашении!

— Да разве я что-нибудь разгласил?

— Достаточно того, что вы вообще беседуете на эту тему!

— Ну и что? Моя подруга застаёт у меня Безносову, причём едва одетую. Должен же я ей что-то объяснить? Вы же, оказывается, не удосужились сказать Виктории, что девушка, которую она видела у меня, тоже свидетель! Или вы полагаете, что, дав вам подписку, я обязан отказаться и от личной жизни? Вот у вас, наверно, семья, дети... А у меня что? Вы? Безносова?

— Да, — помолчав, ответил Евгений Семёнович. — Теперь вы член нашей семьи. Попробуйте смириться с этим и наберитесь терпения.

— Сколько же мне ещё ждать? Делу вашему нет конца и края!

— *Вашему* делу, — поправил меня полковник. — Не забывайте, что вы в нём далеко не постороннее лицо. И я бы даже сказал — не случайное.

— Ну, конечно! У вас так выходит: кто запутался, тот и виноват!

— А кто сказал, что запутавшийся — не виноват?

Действительно, кто?

Я нажал отбой. Пошли вы к чёрту! Я швырнул в угол дивана эфэсбэшную “Нокию” и набрал Викин номер по домашнему телефону. Она и на этот раз сняла трубку.

— Вика, — сказал я без предисловий, — я попал в трудную ситуацию, это-то тебе объяснили? Я даже не могу придти к тебе, а ты ко мне. Поверь, мне не до девушек без лифчиков. Мне даже поговорить не с кем. Хоть ты-то не отворачивайся от меня в такой ситуации.

Она молчала, дышала в трубку. Потом тихо спросила:

— Что я могу для тебя сделать?

— Пока, увы, ничего. Просто помни о тех словах, которые ты мне сказала, когда пришла ко мне.

— А они для тебя важны?

— Ничего более важного я сейчас не знаю.

Я не лукавил.

— Хорошо, — просто сказала Виктория. И спросила с прорвавшейся вдруг надеждой: — Но когда-нибудь мы с тобой увидимся?

— Обязательно, — уверенно сказал я. — Обязательно! И знаешь, я тут подумал... Я тоже тебя люблю.

На самом деле, ни о чём подобном я раньше не думал, я просто сказал то, что мне только что пришло в голову. И это было правдой. Первый сигнал мозга всегда самый правильный.

Виктория молчала. Я хотел бы видеть сейчас её лицо.

— Ты веришь мне? — с надеждой спросил я.

— Если ты любишь, то знаешь, — ответила она. — Я тебе верю и думаю о тебе.

— А если меня посадят в тюрьму?

— Как — в тюрьму?! Нет, не могут тебя посадить в тюрьму! Ведь ты же невиновен! Скажи!

— Конечно, невиновен, — без особой уверенности сказал я. — Ну, если всё-таки посадят, — я думаю, всё же ненадолго, — ты будешь меня ждать?

Она не колебалась, верная душа!

— Буду.

— Вот и всё, что я хотел знать. Я обязательно вернусь к тебе, но просто я не могу сказать, когда.

— Возвращайся когда-нибудь.

— В последнее время мы не часто виделись. Когда я вернусь, этого больше не будет. Мы каждую ночь будем вместе и утром просыпаться будем вместе.

— Да, — шепнула она. — Да. Да.

Я повесил трубку. Я должен найти эти долбаные чемоданы! Этого Харлана! Этого Шпигуна! Немсадзе! Лепсая! Должен найти, чтобы снова обрести ту жизнь, которая мне казалась такой никчёмной.

* * *

Назавтра меня вызвал Овечкин. Я спустился в мишаринский кабинет. Полковник уныло сидел за широким редакторским столом.

— Есть новости, — сказал он, вяло пожимая мне руку. — “Фольксваген” Харлана обнаружили на штрафплощадке ГИБДД. Эвакуирован с платной стоянки у Щёлковского автовокзала ввиду просрочки платежа. Допрошенный охранник стоянки показал, что хозяин машины вынул из багажника два чемодана и вошёл в автовокзал.

— А когда он поставил туда машину?

— В день убийства Гарькавого, — мрачно ответил Овечкин.

— Значит?..

— Значит, сел с чемоданами в автобус и укатил в неизвестном направлении. Может быть, в сторону Кавказа.

— Почему же так поздно обнаружили “фольксваген”? Ведь Центральный автовокзал — это не какие-нибудь задворки!

— Да дело в том, что поиски начались именно тогда, когда машину убрали от автовокзала и перевезли на штрафплощадку. А они там сняли номера...

Я засмеялся, хотя было не до смеха. “Фольксваген” был единственной зацепкой в поисках Харлана. Оставались, конечно, ещё чемоданы... Но что мешало Харлану переложить их содержимое в какой-нибудь баул? Овечкин кисло смотрел на меня. Видимо, начальство сказало ему пару неласковых слов. А может быть, речь уже шла о его башке. Он явно нуждался во мне.

Я присел, закурил. Мы молчали.

И тут меня осенило.

— Никуда он не уехал!

— Почему? — оживился Овечкин.

— Потому что не для того он охотился за чемоданами, чтобы смыться с ними с того места, где их можно продать! Вспомните, Безносова рассказывала, что он “пробивал” всех клиентов, с которыми Гарькавый вёл переговоры, выявлял всю цепочку! Значит, он хотел иметь дело именно с ними. Зачем же ему уезжать из Москвы?

— Тогда почему машина оказалась у автовокзала?

— Это не вопрос, это ответ! Потому что в автовокзале есть камера хранения! У него мозги работают, у этого Харлана! Он так и рассчитал, что вы, найдя машину, решите, что он махнул с чемоданами за тридевять земель. Давайте, мол, ищите! А сам положил чемоданчики в камеру хранения и спокойно уехал куда-нибудь в Подмосковье.

— Вы полагаете? — в голосе Евгения Семёновича явно прозвучала надежда.

— Уверен! Встаньте на его место! Вряд ли он сомневался, что Безносова рано или поздно расколется. Точнее, на “поздно” он вовсе не рассчитывал. Он же знал, с кем имеет дело. Стало быть, понимал, что начнётся охота за машиной. Таскаться с такими заметными чемоданами по Москве и Подмосковью тоже опасно. Остается один выход, если у него нет надёжного схрона — положить их в камеру хранения. Кстати, те, от кого Гарькавый со Шматько получили чемоданы, тоже так сделали. Если этот банальный способ хранения используют более серьёзные люди, чем Харлан, то почему это не делать и ему?

— А если у него есть надёжный схрон?

— В Москве — едва ли. Как я понимаю, надёжный схрон тот, где нет поблизости людей. В Москве вы таких мест не найдёте. Тем более, что Харлан действует без сообщников. Остается Подмосковье. Но он, как видите, не поехал на машине в Подмосковье. А ведь ему удобней было бы ехать с чемоданами на машине, а не светиться с ними в автобусе. А потом ещё идти куда-то от автобуса... Нет, Евгений Семёнович, если он и уехал автобусом куда-нибудь в область, то без чемоданов! А где могут быть чемоданы? В камере хранения!

— Так-так-так, — Овечкин размышлял. — Что же — провести проверку всех ячеек? Но есть ли смысл? С того дня он уже много раз мог забрать оттуда чемоданы. К тому же закон запрещает вскрытие ячеек до истечения срока хранения. А это обычно от трех до пяти дней. Допустим, мы сумеем получить необходимую санкцию, но вы представляете, что будет, если мы не обнаружим там этих чемоданов? Полетят головы, в том числе и моя.

— Я думаю, речь пойдёт именно о вашей, — невинно заметил я.

— И о вашей, Василий Петрович, и о вашей! Вы не сидите в следственном изоляторе ФСБ только потому, что я вас прикрываю!

Зазвонил телефон. Овечкин снял трубку.

— Слушаю. Так. Так. Ага! Что? Вышел?! Куда? — Полковник неотрывно глядел на меня, как будто со мной разговаривал. — Номер машины на плёнке виден? Немедленно найдите водителя. Уже ищите? Хорошо. Только побыстрее. И пришлите съёмку на мой э-мэйл.

Повесив трубку, Овечкин продолжал смотреть на меня — теперь, как мне показалось, с некоторым любопытством.

— Знаете, Колыванов, — наконец, сказал он, — вы меня иногда просто гипнотизируете своими речами, и я начинаю вам верить, забывая, что вы сочинитель. Вот мне сейчас сообщили, — он указал на телефон, — что охранник автостоянки, просматривая материалы видеонаблюдения, опознал Харлана. Одна камера была установлена над центральным входом...

— Ну и слава Богу. Но разве это противоречит моим словам?

— Вы не дослушали. Одна камера, действительно, сняла, как Харлан с чемоданами входит в автовокзал. А вот камера над другим входом через семь минут зафиксировала, что он вышел из автовокзала. С теми же чемоданами. И сел в такси.

Я почесал затылок. Мне никак не удавалось выдержать линию Холмса. Стройная цепь моих рассуждений почему-то рвалась на последнем звене. Мой Ватсон насмеялся надо мной, собака. Но он рано смеялся. Что-то здесь было не так.

— Зачем же он ездил на автовокзал? — высказал своё сомнение я. — Хотел продать чемоданы и не встретился с покупателем? Но в этом случае он ждал бы больше семи минут. А я скажу вам, зачем. Он хотел, чтобы вы подумали то, что вы и подумали: будто бы он сел на автобус и укатил в неизве-

ством направлении. Для этого и машину на стоянке оставил. Он всё хорошо просчитал, чтобы навести вас на ложный след. Смешался с толпой на автовокзале, побродил семь минут и вышел через другие двери. Но не учёл, что над ними тоже есть камера. Но это, как мы знаем, сплошь и рядом случается и с более мажорными преступниками, чем Харлан. Не привыкли они ещё к видеокамерам. Да, Харлан не оставил чемоданы в камере хранения, — если только он вышел с этими же чемоданами, а не с чемоданами, полными денег...

— Вы что же, полагаете, они товар на деньги по весу меняли? Два чемодана на два чемодана?

— Да, это вряд ли, — признал я. — Даже для очень больших денег хватило бы одного. А внутренние камеры наблюдения на вокзале есть? Они могли бы ответить на эти вопросы.

Овечкин пожал плечами.

— Пока мы имеем то, что имеем. Конечно, мои люди просматривают съёмку со всех камер.

— Но заметьте, товарищ полковник: Харлан всё-таки из Москвы не уехал! А ведь я, так называемый сочинитель, именно это и утверждал! Первая мысль всегда правильная.

Овечкин снисходительно кивнул.

Снова заверещал телефон. Евгений Семёнович покосился на него уже с некоторым испугом, но тут же схватил трубку.

Сообщение, полученное им, видимо, было столь же неожиданно, как и первое, потому что он даже открыл рот.

— Так. Так. А там есть камеры наблюдения? Нет? Распечатайте с видео его фото и покажите всем работавшим в тот день. Проверьте все рейсы. Да. Он может быть ещё на борту.

“Улетел на самолёте? — мелькнуло у меня в голове. — Опять я попал впросак!”

— Нет, не хочет он оставаться в Москве, — в унисон моим мыслям поддакнул Овечкин, снова поглядывая на меня с иронией. — Допрошенный таксист показал, что высадил Харлана с чемоданами у Северного речного вокзала.

Вот как?

— Непонятно... — пробормотал я. — Был я недавно на этом Речном вокзале. Рейсов теперь мало, одни круизы. Затеряться трудно. Если только сел на подмосковную “комету”... Но они тоже ходят редко, и пассажиров немного. Вообще вокзал огромный, пустой. Зачем ему “светиться”? Куда проще было бы на автобусе.

Евгений Семёнович хмыкнул.

— Этот господин ещё ни разу не действовал по принципу “проще”.

— Да, — уныло согласился я. — А там есть камера хранения?

Овечкин раздражённо отмахнулся.

— Откуда я знаю? Что вы носитесь с этой камерой хранения?

— Но вы же не можете исключить эту возможность! Я вам напоминаю: чемоданы были получены Гарькавым и Шматько именно в камере хранения! Что бы вы там ни думали о моих умозаключениях, вы просто обязаны установить наблюдение, если камера хранения на Речном вокзале есть! Узнайте!

Полковник вздохнул, взял трубку. Получив информацию, сообщил:

— Да, там есть камера хранения, на нулевом этаже, прямо под рестораном, рядом с игральными автоматами. Наблюдение установим. Но вскрывать пока ничего не будем. Пассажиры — в основном иностранцы. Неприятностей не оберешься. Ну, а теперь посмотрим на нашего героя.

Он повернулся к экрану компьютера. Щёлкнул “мышкой” по значку электронной почты, открыл сообщение, вложенный файл. Я привстал, чтобы лучше видеть. На экране появилась смазанная скверным изображением чёрно-белая толпа. Я увидел сначала даже не Харлана, а два хорошо знакомых мне чемодана. Они мерно покачивались в толпе как бы сами по себе. Затем, когда слитная масса идущих в автовокзал людей приблизилась к камере, я различил высокого худого мужчину, в руках у которого были чемоданы. Овечкин остановил кадр, увеличил “картинку”.

Узкое костистое лицо. Тонкие губы. Нос с горбинкой. Оттопыренные уши. На лоб падает чёрная, стриженная по-боксёрски чёлка. Прищуренные глаза глядят исподлобья. В них ни страха, ни сомнения, ни веры, ни надежды, только решимость. Решимость идти до конца.

* * *

Этот взгляд мне знаком.

Я его часто теперь вижу. В толпе, метро, автобусах, на рынке. Раньше я его почти не встречал. Глаза бывали пустыми, но чаще — мечтательными. В сердцах наших людей находилось место для страха, сомнений, веры и надежды. В них даже оставалось место для любви. Откуда же у людей появились такие глаза? Откуда эта решимость шагнуть в пропасть? И увлечь за собой кого угодно, без счёту?

Что произошло за эти годы с нашим народом?

Я не люблю осуждать свой народ. Это, во-первых, не по-христиански, а, во-вторых, лицо любого народа складывается из лучших черт, потому что худшие у всех одинаковы. В Карабахе, например, я слышал, как многие армяне называют азербайджанцев нечистоплотными, а те их — жадными. Даже если оба мнения справедливы, они ничего не скажут нам о том, чем отличаются друг от друга эти народы. Можно ведь быть и жадными, и грязными, не так ли?

Но я всё чаще ловлю себя на крамольной мысли, что лучшие черты нашего народа как-то так удалены друг от друга, что надо то ли отойти далеко-далеко от народа, чтобы охватить взглядом всю картину, то ли этот рисунок ещё не закончен Богом.

Разговоры о пресловутой “амбивалентности” русского (а равно украинского и белорусского) человека, якобы соединяющего в себе и праведника, и грешника, я считаю пустым вздором. Скромный опыт моей жизни говорит, что подлец — это подлец, а праведник — это праведник. Полутонув, разумеется, может быть немало и у того, и у другого, но видели ли вы в живописи, чтобы полутона были одинаково хороши и в шедевре, и в бездарной мазне? Каковы бы ни были полутона и оттенки, хорошей или плохой картину делает общая композиция. Подлец и праведник одновременно — это душевнобольной, не более. Человек не может с одинаковой силой неосознанно стремиться то к добру, то к злу. Это бесцельное существование, а у всякого есть в жизни хоть маленькая, но цель.

В патриотических кругах до сих пор бытует легенда, что в “глубинке”, в народных недрах, живёт ещё воля к сопротивлению, правда и справедливость. Как бы хотелось верить!

Но вот вам народ — Харлан и Безносова. Поколение, так сказать, “беспредельщиков”. Мы (я имею в виду — интеллигенция) нужны им? Абсолютно не нужны. Харлан, между прочим, от слова “харло” — хайло́, пасть, зев, горло. “Харлить”, по Далю, — “жилить, оттягивать неправдой чужое”. Путешествуя в юности по Украине, на Херсонщине я проезжал такое село — Хорлы, где, видать, с незапамятных времён селились эти хлопцы со своими жинками — горластые, хищные, хваткие до всего, что плохо лежит. В других местах они, наверное, не смогли прижиться. Так бы и жить им отдельно, как волкам, наводя страх на соседей, но тектонические сдвиги в жизни страны побудили их вылезти из вековых углов, двинуться за наживой в крупные города.

И сегодня это наиболее пассионарная, активная часть народа.

Люди в глубинке буквально вымирают от пьянства, девчонки вроде Безносовой пошли в проститутки, а харланы убивают людей и сами гибнут от пуля в больших городах. Народ расплыён на атомы.

Мы без конца курили народу фимиам, как идолу какому-то, и дождались благодарности: народ, когда мы стали писать воззвания к нему, удивлённо выпучился на них. Какие “идеалы”? Какая “Родина”? Какая “духовность”? Это результат тотальной обработки мозгов телевидением, решили тогда мы. Но люди и до “перестройки” жили почти без идеалов, угрюмой

свинцовой жизнью без Бога, оживляемой лишь звоном нелегко достающихся рублей. И если телевидение позвало их в светлую даль западных супермаркетов, что они могли сказать в ответ на пламенные призывы “спасать Родину”? Помню, появилась новая игрушка — кабельное телевидение со срамными программами. Одна знакомая пришла поздно вечером домой и видит вдруг, что её почтенного возраста мать, женщина во всех отношениях положительная, с увлечением смотрит по “ящику” то скотство, что называется нынче эротикой. “Мам, — засмеялась дочь, — тебе-то зачем это нужно? Шла бы спать”. А та вполне серьёзно ей отвечает: “Вам хорошо смеяться, вы всё это видели. А нам бы хоть под конец жизни посмотреть”.

Вот где ужас-то!

Мы приблизились к той роковой черте, когда можем идентифицировать себя как народ только в прошлом. Так, наверное, римляне под властью гуннов и вестготов смутно помнили о своём величии, но в настоящем у них были только развалины. Конечно, в отличие от Хазарии, кое-что осталось и помимо развалин, но осталось кому? Германские племена многим обязаны римлянам, но вот римляне им не обязаны ничем.

Наивно в наше время уповать на некую коллективную народную мудрость. Признавая априори её существование, я лично никогда не видел её в действии. “Соборное сознание”? Но оно теперь чаще всего проявляется в пушкинском “народ безмолвствует”. Мы живём в рабстве у бандитов — преступников и политиков.

Когда на крутых виражах истории у нас уходит из-под ног наша земля, мы просыпаемся, обретаем снова человеческое и национальное достоинство. Видимо, нам нужна не великая Россия: нам нужны великие потрясения. В потрясениях мы снова обретаем Родину. Правда, лучшие из нас погибают в священных войнах в первую очередь. Вот им-то и надо проснуться раньше других. Чтобы крикнуть нам: “Подъём!” Не то нас разбудят уже трубы Страшного суда.

А может быть, не надо просыпаться, ведь всё в истории предопределено Богом? В истории, может быть, и предопределено, а в нашей жизни, как сказал Дмитрий Карамазов, дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце человеческое. Пусть наши лучшие черты никак не складываются в цельную картину, но не нужно забывать, что этот рисунок только задуман Богом, а выводит линии наша рука.

* * *

Следов Харлана не удалось обнаружить ни на одном из круизных маршрутов, отправленных в день убийства Гарькавого и на следующий день из Северного речного вокзала. Да и маршрутов этих было немного: Питер, Углич, Казань, Астрахань... Не опознали его и среди пассажиров “комет”. Никто не видел, как Харлан выходил из Речного вокзала — с чемоданами или без них. Впрочем, не видели, и как он входил. Не исключена была возможность, что Харлан направился в грузовой порт и там, “подмазав” капитана, сел на какой-нибудь танкер, баржу или буксир. Но пока следственные действия в этом направлении тоже ничего не дали.

— Вскройте же, наконец, ячейки камеры хранения! — призвал я Овечкина.

— Вскрыли уже, — отмахнулся он. — И не нашли ничего похожего на чемоданы, описанные вами и Безносовой. Предположение, что он переложил товар в другие чемоданы или сумки, маловероятно. Да и не будем же мы вскрывать всю кладь подряд, не зная, что именно было в чемоданах Гарькавого и Шматько! К тому же дама, которая продаёт внизу жетоны для камеры хранения и игральные автоматы, не напоминает, чтобы у неё приобретал жетоны человек, похожий на Харлана. А он уже должен был это сделать не менее трёх раз, учитывая срок хранения в трое суток. В стационарной камере хранения похожих чемоданов тоже нет. Всё это говорит о том, что Харлан вообще не пользовался услугами камер хранения.

— Значит, и впрямь уехал... — уныло сказал я.

— Не знаю, уехал ли. Но чемоданы, скорее всего, находятся где-то на территории вокзала.

— Не понял. Почему?

— Потому что Харлана опознала по фотографии официантка вокзального ресторана. Он зашёл и заказал двести пятьдесят граммов водки “Немиров”. Решил, очевидно, расслабиться после трудного дня... Было это минут через пятнадцать-двадцать после того, как Харлан, по показаниям таксиста, приехал на Речной вокзал. Но в ресторане он появился уже без чемоданов. Значит, они где-то на вокзале, а не, скажем, на территории грузового порта. Он просто не успел бы сходить туда и обратно. Мы уже несколько раз обыскали вокзал снизу доверху, но безрезультатно. Теперь ищем в порту — пустьшку тянем...

Нда-а... Я осмысливал сообщенную мне Овечкиным новость.

— Нужно как-то принудить Харлана к активным действиям, — предложил я. — Заставить его беспокоиться за судьбу чемоданов. Всё же вокзал — это вокзал... А что, если дать объявление по телевидению, радио и в крупных газетах: “Послезавтра здание Северного речного вокзала закрывается на реконструкцию. Будут работать только билетные кассы на первом этаже”? Если чемоданы спрятаны на вокзале, Харлану не останется ничего другого, как придти за ними.

— А если — нет?

— Он за вами не придёт, вот и всё. И мы будем точно знать, что они в другом месте. А в ином случае мы не будем знать ничего...

— Это я понимаю. Но если Харлан не придёт за чемоданами, мы что, должны будем дать новое объявление: “Реконструкция Речного вокзала откладывается”? —

— Евгений Семёнович, не забивайте себе голову мелочами! Что тут такого? Хотели закрыть, а потом передумали. Первый раз, что ли? Люди привыкли к бардаку. Не так-то уж много пассажиров на Речном вокзале, чтобы о каждом шаге администрации трубить на всю Москву. Для туристов достаточно будет вывески на дверях: “Вокзал работает в прежнем режиме”. Вы поймите, с каждым днём угроза, что Харлан заберёт чемоданы, увеличивается. Камеры наблюдения могут и не помочь — не везде же вы их развесили.

— Входы и выходы контролируются.

— Входы и выходы? Главные, что ли? А другие? Служебные, например?

— Там, конечно, нет камер. Но едва ли Харлан настолько знает вокзал, чтобы пользоваться чёрными ходами.

— Да? Однако он так запрятал на этом вокзале чемоданы, что вы их найти не можете! Потом, если надо, он может уйти не через дверь, а через окно. Там множество низких окон на первом этаже, и все выходят прямо в галерею. Народу мало, он откроем окно потихоньку, выставит чемоданы и вылезет сам. Нет, либо вы берёте под контроль все входы, выходы и окна, либо вам следует принять мой план о мнимом закрытии вокзала.

— Надо подумать, — хмурился Овечкин. — И посоветоваться с начальством. Да, кстати: вы просили сделать распечатку телефонных абонентов Гарькавого. Пожалуйста, вот она. К сожалению, кроме Харлана, никого из известных нам фигурантов обнаружить не удалось. Телефоны в основном украинские.

Он протянул мне листок. Я бегло пробежал список и зацепил сразу четыре имени. Похоже, мой Ватсон, как всегда, лоханулся.

— Ну как же — нет фигурантов? А “Пастор”?

— А кто это — пастор? Священник?

— Ну, вы даёте! Стал бы этот бандюга Гарькавый записывать телефоны священников! Простых священников, во всяком случае! “Пастор” — это руководитель конкурирующей фирмы — Службы безопасности Украины! Турчанинов! У него партийная кличка — Пастор! Он сектант баптистского толка! Мы же об этом с вами говорили!

Овечкин пробормотал что-то типа “надо проверить”. Он был заметно смущён. Мне же, не скрою, было приятно смотреть на него после недавних

осечек моей дедукции, когда я рассчитывал найти Харлана через Безносову и обнаружить чемоданы в камере хранения.

— Пойдём дальше, — безжалостно продолжал я. — Вот телефон, помеченный лишь одной буквой, — “Ю”. Вам это ни о чём не говорит?

— Юлия Безносова, что ли? — пожав плечами, предположил полковник.

— Разве это мобильный Безносовой? Я и то запомнил её номер. Вот он, в списке, рядом, под именем “Юля”.

— Мне слишком много надо запоминать, — огрызнулся Евгений Семёнович. — Гораздо больше, чем вам.

— О, нисколько не сомневаюсь. Но я не хотел вас обидеть, поверьте, — беззастенчиво лгал я. — Просто я с вашей помощью проверяю свои догадки методом исключения.

— Знаете что! Экспериментируйте на крысах, как говорит наш президент! Что вы всё ходите вокруг да около! Хотите сказать, что это телефон самого Юрченко, что ли?

— Интересное предположение! Но кое-какое обстоятельство мешает мне поверить в него. Я-то полагаю, что это телефон Юлии Тихоненко. Ведь украинская пресса называет её “Леди Ю”.

— Что ж, проверим... Ну, а почему всё-таки вы так уверены, что “Ю” — это не Юрченко?

— Потому что в списке есть имя “Прыщавый”.

— Имя! — усмехнулся Овечкин. — Кликуха! Подельника какого-то.

— Совершенно с вами согласен. Но я считаю, что этот подельник — именно Юрченко.

— Но почему?

— Помните, Безносова рассказывала нам, как Харлан вовлекал её в свою авантюру?

— Помню. И что?

— Он сказал ей что-то вроде: “Запомни: никто просто так, за здорово живёшь, наверх не выбивается. Вот *Юрчик Прыщавый*: не рисковал, не сидел в тюрьме, — всё для него Юля делала. Но и ему пришлось мордой лица заплатить, чтобы стать первым!”

— Что значит: человек — писатель! — искренне восхитился Евгений Семёнович. — Запоминаете все яркие обороты! Мне бы так!

Я был польщён, хотя и думал не без ехидства: “Клички хорошо бы и тебе запоминать по профессиональной надобности! Руководителя украинской спецслужбы-то уж точно!”

— А вот ещё, обратите внимание — “Ираклий”, — сказал я. — Код мобильного явно не украинский, у них они на ноль начинаются. Думаю, это Ираклий Окруашили, министр обороны Грузии, хотя в данном случае я не очень уверен.

— Ну что ж, — потёр руки Овечкин, — отработаем эти телефончики. Хотя я не знаю, что, собственно, нам даст их идентификация.

— Важен уже сам факт, что они обнаружены в телефонной книге провинциального мафиози. Вот возьмёте вы, например, Шигуна. Давно, кстати, пора. Найдёте вы у него номера мобильных телефонов Путина, Фрадкова и Патрушева?

Евгений Семёнович ничего не ответил, но как-то так повёл бровью, что я понял: подобной возможности совершенно исключить нельзя. Я несколько смутился, но продолжал:

— Тем более что это, я думаю, особые номера — оперативной связи для избранных. Знать их ФСБ в любом случае не помешает.

— Естественно, — кивнул Овечкин, пожимая мне руку. — Лишь бы это были те самые номера.

Я отвёл глаза. Именно здесь-то, на последнем этапе, и могла, как это уже бывало, случиться осечка.

Я вернулся в свой кабинет, где Безносова играла в карты на компьютере. После того как я разоблачил её связь с Харланом, она со мной не разговаривала. Я, в общем-то, этому был рад, потому что от разговоров с ней у меня всегда болела голова. Я раскрыл рукопись, которую мне передали из

“Новой России”. Каждый абзац приходилось читать по два раза, потому что меня не оставляли мысли о задуманной мной комбинации с объявлением. Хорошо бы построить её так, чтобы найти не только Харлана и чемоданы, но изловить и тех, кто за этими чемоданами охотится! Ведь рано или поздно, согласно закону, что спрос рождает предложение, появятся новые чемоданы. Стало быть, надо не только завладеть товаром, но и уничтожить спрос. Но как это сделать? Харлана можно спровоцировать объявлением, а чем спровоцировать других охотников за чемоданами? Может быть, моим появлением? Или появлением Безносовой? Посадить за собой на Петровском “хвост” и поехать утром в последний день перед закрытием к Речному вокзалу... Мои размышления прервал звонок телефона.

— С вахты беспокоят. К вам Попов Станислав Владимирович. Пропустить?

Станислав! Гость из прежней моей жизни, которая кажется уже такой далекой и даже никогда не существовавшей.

— Конечно, пропустить.

Через несколько минут вошёл Попов — как-то боком, озираясь.

— А что это за амбалы у вас в коридорах и на лестнице? Никогда раньше таких не видел.

— Новые сотрудники, — кратко ответил я, пожимая ему руку. — Присаживайся.

— Что — редакторы такие?

— Гм... — поперхнулся я. — В общем, да... редакторы. Но не по моей части.

— Вижу, однако, и у тебя прибавление. — Попов перевёл свои выпуклые, припухшие тяжёлыми веками глаза на Безносому и поклонился. — Доброго здоровья. Станислав Попов.

— И вам не болеть, — бойко ответила та. — Юлия Безносова. — Она построила ему глазки поверх монитора. Ей, наверное, нравились солидные импозантные “папики” вроде Станислава.

Попов приосанился, внушительно разгладил усы.

— Что ж, очень приятно, очень приятно. Будем знакомы. Теперь, Василий, мне придётся искать предлоги, чтобы чаще к тебе заходить. Такую сотрудницу започучил! Класс!

Безносова сияла, искоса кидая на меня, супостата, мстительные взгляды.

“Возьми её себе совсем”, — так и подмывало меня сказать, но я сдержался. Станислав понял кислую гримасу, мелькнувшую, очевидно, у меня на лице, по-своему и накрыл мою руку своей ладонью.

— Только лёгкое ухаживание, сэр! Красивых женщин нужно окружать вниманием, тогда они ещё больше расцветают.

Безносова, эта подруга двух гангстеров и соучастница в убийстве одного из них, цвела. Попов же продолжал рассыпаться мелким бесом:

— К тому же, я вижу, красота у вас сочетается с волевым, целеустремлённым характером.

— Откуда вы знаете? — игриво спросила Безносова.

— А вот обратите внимание, как у вас сложены руки: правая лежит на левой. Это значит, что вы человек, привыкший доминировать.

Я невольно посмотрел на свои руки: левая лежала на правой.

— Я что зашёл, Василий? — наконец повернулся ко мне Станислав. — Ты помнишь наш разговор на теплоходе? Вы сговорились с хозяевами, что ты набросаешь вчерне рекламный проспект, программу и доработаешь их во время плавания. Очередной круиз через полторы недели. Ты как, готов?

“Эх, рад бы в рай, да грехи не пускают!” — хотелось воскликнуть мне. Речной вокзал, теплоходы... Знал бы ты, какие тут истории разворачиваются вокруг этого Речного вокзала! Я уже было открыл рот, чтобы промямлить: увы, не могу, непредвиденные обстоятельства, приношу свои извинения и т. д., как меня посетила новая идея.

“А почему бы не поплыть?” — подумал я.

Юлия Безносова, толкая плечом тяжёлую дверь, вышла из здания Северного речного вокзала. В руках у неё были два хорошо знакомых мне чемодана. Сильно вихля бёдрами, она с трудом дотащила их до ступенек лестницы, поставила на землю и замахала рукой таксистам, среди которых все были сплошь чекисты. Подвижные плечи Юлии, сейчас напряжённо сгорбленные, выдавали, как ей страшно. И тут вдруг из-за колонн галереи молнией мелькнул кто-то в чёрном и сильно толкнул Безнососу в спину. Она полетела со ступенек грудью вперёд.

— Шура! — закричала распостёртая на асфальте Безносова. Её колени и ладони были ободраны в кровь.

Человек в чёрном, не обращая никакого внимания на Юлию, схватил чемоданы и побежал с ними в вокзал. Она вскочила на ноги и устремилась вслед за ним, крича: “Шура! Шура!”.

— На пристань рванул! — возбуждённо предположил Овечкин.

Мы быстро переместились к другой стороне смотровой площадки. Вход в вокзал и выход на причал находились по разные концы вестибюля, друг против друга. Мы рассматривали вариант, что Харлан побежит к порту. Был даже отдан приказ в этом случае в вестибюле его не трогать.

Овечкин не ошибся: Харлан с чемоданами прыгал по ступеням широкой гранитной лестницы, ведущей на пристань.

Мы нарушили его планы. Вечером по телевидению и радио во всех новостных выпусках передали про закрытие через день здания Северного речного порта на реконструкцию.

Мы все, включая Безнососу, уже с вечера были на вокзале. Его запирали на ночь, и поэтому до утра Харлан забрать чемоданы не мог. В этом смысле он ошибся, выбрав для схрона Речной вокзал. Мы рассчитывали, что он подъедет прямо к открытию вокзала, но решили не пускать его внутрь. За ним надо было следить, а переодетые чекисты могли его спугнуть. Не хотелось также, чтобы он устроил в помещении перестрелку. Поэтому у меня возникла идея выпустить Безнососу с чемоданами из вокзала ещё до того, как Харлан войдёт в него. Если бы он увидел знакомые ему чемоданы в руках незнакомого человека, то мог предположить совпадение, а если бы и поверил, то, насколько мы его знали, стал бы действовать осторожно, пошёл бы вслед за этим человеком и т. д. Иное дело, если бы он увидел с заветными чемоданами свою бывшую помощницу. Тут он сомневаться бы не стал и отреагировал бы немедленно, не задумываясь о последствиях. Ведь добычу уводят из-под носа! И кто?

Утром в здании вокзала не было никого, кроме нас и спецназа. Как только чекисты открыли двери, из них вышла Безносова с чемоданами, похожими на те, что были у Гарькавого и Шматько. Их подобрали по моим и Безносовой описаниям и набили стекловатой. По нашим предположениям, Харлан должен был приехать заранее и прятаться неподалёку.

Так оно и вышло.

...Он бежал по огромной пустой набережной. Безносовой не было видно: её, наверное, перехватили в вестибюле чекисты. Отсюда, со смотровой площадки на крыше вокзала, Харлан казался совсем маленьким. Чёрный человечек, снедаемый алчностью. Чемоданы, его несправедная добыча, мотались в разные стороны. Овечкин следил за ним в морской бинокль, другой рукой держа у уха мобильный телефон. Когда Харлан поравнялся с теплоходом “Тарас Шевченко”, полковник скомандовал: “Вперёд!”. Прямо со сходней на спину беглецу прыгнул спецназовец, переодетый матросом. Харлан грохнулся ничком. Чемоданы, подсакивая, полетели дальше, словно продолжая прерванный их носильщиком бег. Со сходней сбегали другие чекисты. На вывернутых за спину руках Харлана защёлкнули наручники. С ним всё было кончено.

И тут сзади нас, со стороны парка, грохнул выстрел, другой, третий.

Там всё только начиналось.

Пригнувшись, мы перебежали на другую сторону площадки. Отсюда, с плоской крыши, на которой в сталинские времена размещался замечатель-

ный летний ресторан, всё было прекрасно видно. Широкие аллеи парка, ещё пять минут назад совершенно пустые, были искривлены и вкось забиты десятками разномастных джипов, преграждавших путь друг другу. Из машин, из кузовов выпрыгивали зелёные и чёрные фигуры с пистолетами, автоматами, помповыми ружьями и палили друг в друга в упор. По всему парку, куда ни глянь, замигали, как огни рекламы, язычки выстрелов. Их эхо в ужасе металось по “зелёной зоне”, отражаясь от воды и стен вокзала.

Похоже, на это кровавое randevu прибыли все “сливки” бандитской Москвы. Чекисты позвонили или послали “эсмэски” с телефона адвоката Караблуга всем фигурантам “чемоданного дела”, включая “Прыщавого”, “Ю”, “Пастора” и “Ираклия” (проверка подтвердила — это именно те лица, что я и предполагал). В сообщении говорилось, что беспредельщик Колыванов и его сообщница Безносова планируют передать товар конкурентам в обмен на деньги сегодня в восемь ноль-ноль на площади Северного речного вокзала. О каких именно конкурентах шла речь, естественно, не уточнялось. Все они — киевские, днепропетровские, донецкие, московские, тбилисские — были друг другу конкуренты. Даже если бы они заподозрили провокацию или ловушку, то, по нашим расчётам, всё равно должны были явиться для проверки. Алчность в этих случаях побеждает осторожность. И точно: бандиты начали скапливаться в парке, под прикрытием кустарников и деревьев, за несколько часов до назначенного времени. Их снайпера оборудовали себе позиции. Наши снайпера, в свою очередь, брали их на прицел. Мы боялись поначалу, что бандиты “вычислят” присутствие “федералов”, но вооружённых бандитов из разных группировок собралось столько (причём все, включая спецназовцев, были одеты одинаково — в камуфляж и чёрное), что невозможно было определить, где бандиты, а где спецназ.

Ещё до рассвета парк был очищен милицией от бомжей и случайных лиц. Все частные автомобили со стоянки на привокзальной площади, а также из района Ленинградского шоссе и Фестивальной улицы эвакуировали. Прибывающие на место отряды бандитов не вступали друг с другом в перепалки, не вели переговоры, тихо сидели на своих местах — видно, таковы были полученные инструкции.

Но, когда Безносова с чемоданами появилась на площади, и Харлан вдруг из-под носа собравшихся чемоданы увёл, они все разом бросились к вокзалу. И, естественно, неминуемо столкнулись.

...Трещала беспорядочная пальба, хрустальными фонтанчиками вдребезги разлетались фары. Немало зелёных и чёрных фигурок уже лежало на асфальте. Ветерок усеивал их нежными лепестками из разворошенных пулями цветников. “Гробов ещё нет, а цветы для покойников уже есть”, — мелькнула у меня дурацкая мысль. Солнце, встающее в просвете аллеи, играло в алых лужицах крови. Казалось, ничто, даже пальба, кровь и трупы, не могло омрачить картину безоблачного летнего утра. Всё было как-то нереально, не как на самом деле.

Один из джипов всё же вырвался вперёд и понесся по центральной аллее к вокзалу. Слева от нас загрохотал, засверкал длинными клинками огня крупнокалиберный пулемёт, со смачным лязгом выплевывая здоровенные дымящиеся гильзы. Там, за мешками с песком, была оборудована спецназом огневая точка. Такая же находилась на другом конце крыши.

Джип завалился, пошёл юзом, перевернулся, с диким скрежетом проехался на крыше по аллее, врезался в дерево, вспыхнул и с потрясающим душу звуком взорвался, высоко взметнув сноп огня. Мерзко запахло гарью.

Тут же внизу зазвенели разбитые окна, а над нашими головами засвистали пули. С крыши одного из “хаммеров” по зданию работал пулемёт. Мы залегли. Хлестко, точно забивая гвозди по шляпку, ударил два раза наш снайпер, лежавший неподалёку. Пулеметчик на крыше “хаммера” подпрыгнул, как тряпичная кукла, и свалился со своим аппаратом вниз.

— О! А вот и наш друг Шпигун! — воскликнул глядящий в бинокль куда-то поверх горящего джипа Овечкин. — Бежит, собака! Далеко не убежишь!

— Вы бы убрали бинокль, — попросил я, пряча голову за парапет. — А то он бликует против солнца, неровен час, долбанут прямо по нам.

— Да-да, — снисходительно отозвался этот герой. — Нам вообще пора уходить, здесь становится небезопасно. Остальное сделают без нас.

То и дело приседая, мы устремились к лестнице. На прощанье я окинул взглядом поле боя. Там был крошечный ад, война всех против всех. В дело уже пустили гранаты. Аспидный курчавый дым от горящих автомобилей затянул прекрасный парк с цветниками. Нечто подобное я видел в Петровском переулке, но там сражались единицы бойцов, а здесь — десятки. Часть машин и людей уже удирали. Но это было бесполезно: весь парк уже окружили по периметру вышедшие из укрытий войска и бронетехника. Никто не мог ни зайти за оцепление, ни выйти из него. Как только прозвучал первый выстрел, внутреннее кольцо начало медленно сжиматься. В него, как мы надеялись, угодит вся “цепочка”, кроме, конечно, верховных воротил, всегда выходящих сухими из воды. Уцелевшие в боине за чемоданы должны были либо сложить оружие, либо умереть. Государство снова устанавливало свой закон, гласящий, что выше этого закона нет никого.

Непросто было уговорить Овечкина представить руководству мой план: одним ударом убить сразу многих зайцев. Но неведомое мне начальство неожиданно согласилось с моими доводами, что хищные конкуренты, увидев “живьём” Безносову с чемоданами, а может быть, и Харлана, клонут на приманку. К тому же окружавшая вокзал территория, как никакая другая в Москве, позволяла провести на ней спецоперацию. Парк в 50 гектаров, достаточно открытый, безлюдный утром, за ним — гладь Химкинского водохранилища. Конечно, случайных жертв и здесь нельзя было исключить, но, наверное, на лубянских генералов тоже давили сверху вопросом: “Когда?”.

Мы спустились вниз, зашли в вокзал. Пули повредили кое-где сталинскую лепнину — гербы бывших советских республик. Но она и без того давно уже нуждалась в реставрации. Под ногами хрустели осколки стёкол, спецназовцы в своих космических шлемах сидели на корточках в простенках многочисленных окон. Двое громадных бойцов под руки вели к выходу бледную растрёпанную Безносову, третий тащил два чемодана. Очевидно, это были не те, с которыми бежал Харлан, а настоящие, изъятые из тайника. Я проводил их взглядом. Неужели?! Быстро же Харлан расколотел!

Всё произошло как-то деловито, буднично, а между тем для меня эти проклятые чемоданы сделались явлением чуть ли не мистическим! Казалось уже невозможным, что их когда-нибудь обнаружат в подлунном мире, ан нет — вот они, скучно, как обычный багаж, покачиваются в руках спецназовца.

Я победил, но полноты своей победы почему-то не ощущал.

Штаб чекистов располагался на “Тарасе Шевченко”. Все остальные теплоходы отогнали на другие стоянки. Это тоже была моя идея, невольно подсказанная мне Поповым. Если бы противник всё-таки прорвался на набережную, мы могли просто улечь с чемоданами на “Шевченко”. Что, собственно, мы и собирались сделать. У вокзала становилось слишком жарко.

Наверное, так белые отплывали из Севастополя с Графской пристани, думал я, поднимаясь по сходням. Отсюда, снизу, боя уже не было видно. В окнах вокзала плясали багровые отсветы плавящих автомобилей. В небо косо ввинчивались столбы чёрного дыма. Над шпилем с кремлёвской звездой зависвал долбящий ритм крупнокалиберных пулемётов. Басовито взрыкивали дизельные движки. В дело, наверное, вступили мотострелки. Армия негодяев была обречена. “Сдавайтесь! Бросайте оружие!” — доносилось из динамиков с берега.

По коридорам теплохода деловито сновали спецназовцы, гремя амуницией. Голосами простуженных гномов разговаривали их хриплые рации. Бойцы почтительно пропускали, прижимаясь к стене, озабоченных людей с бумагами в руках, в мешковато сидящих “камуфляжах”. Это были, наверное, чиновники с Лубянки, которым всё равно, по каким коридорам с бумагами ходить. Переборки гасили звуки сражения на берегу. Откуда-то доносились запахи еды — значит, будут даже кормить. Пол под ногами дрожал — как и в тот раз, когда я пиво пил на теплоходе. На меня никто не обращал никакого внимания. Овечкин куда-то исчез. Я в нерешительности стоял в маленьком фойе с диванчиками, пока какой-то боец не указал мне в сторону внутреннего трапа: “На верхнюю палубу!”.

Я поднялся туда одновременно с гудком. Наверху я увидел Безнососу — она стояла, вцепившись в поручни, со злым, несчастным лицом, с ободранными, щедро смазанными йодом коленками. Мне стало её вдруг жалко: она так бежала за этим своим подлым Шурой, который, не задумываясь, бросил её на верную смерть в день убийства Гарькавого. Я встал рядом, не зная, что ей сказать. Безнососа покосилась на меня и отвернулась.

Палуба дрогнула, на миг ушла из-под ног. Словно женщина, сбросившая с плеч халат, обнажилась вдруг светло-светлая полоса воды внизу, между бортом и причалом. “Шевченко” плавно отвалил от стенки. Птицы из парка бестолково кружились над нами, крича — жаловались, наверное, что их прогнали из парка люди, плюющиеся огнём. Но недолго они жаловались: их и отсюда прогнал вертолёт, который полетел за нами, пристроившись над кормой. Уменьшающийся на глазах вокзал напоминал теперь причаленный к берегу корабль, что соответствовало замыслу архитекторов. Мы уходили от стреляющего, горящего берега всё дальше. И чем дальше мы уходили, тем легче становилось у меня на душе, словно там остались все болезни, печали, несчастья, а счастье было впереди. Я уплывал, чтобы вернуться в этот мир, где ждали меня те, кого я любил, — отец, мать, Виктория...

По палубе спешил куда-то мимо нас Овечкин. Он вдруг остановился, крепко схватил меня за локоть. В глазах его плескался смех.

— Значит, вы думали, что чемоданы в камере хранения? — спросил он. — Поздравляю: вы не ошиблись!

— Как? — удивился я. — Но вы же сказали, что всё обыскали и ничего не нашли!

— Всё, да не всё! Сыскари брезгливые оказались! — Он погрозил кулаком кому-то. — На этом вокзале, оказывается, кроме автоматической и общей камеры хранения, была ещё одна, частная! Её держал у себя в подсобке охранник туалета, земляк Харлана. Одновременно это было что-то вроде ломбарда. Несли туда и краденое. Наши, когда по ночам обыскивали вокзал, заглядывали, конечно, и в сортир, но тщательно осматривать его не стали — уж больно он гадкий. А дверка в подсобку — рядом с кабинками, практически такая же. Но закрытая, конечно. Ну, дерни за ручку, проверь! Нет! Сыскари! Я им покажу! А вам, Кольванов, руководством будет объявлена благодарность.

Овечкин побежал дальше. Ну и ну! Я взглянул на Безнососу. Ей, судя по всему, было не очень интересно, где находились чемоданы. К тому же лубянокское руководство вряд ли собиралось объявить Юлии благодарность. Она раздражённо передёргивала плечами: видно, её угнетал бронежилет, надетый под джинсовый сарафан.

— Ну, теперь-то ты можешь сказать, что было в этих чемоданах? — тихо поинтересовался я.

— Я знаю?! — Она посмотрела на меня, как на идиота. — Шо я их — открывала?

Я засмеялся. Безнососа зло отвернулась.

Мой метод чтения знаков судьбы в превратностях нашей жизни помог мне узнать практически всё в истории с чемоданами, кроме главного — их содержимого. Но, может, это вовсе и не главное? Тайнопись мироздания, согласно моему методу, открывается нам с помощью повторяющихся знаков и слов.

А ключевое слово в этом деле — смерть.

Чемоданы были наполнены смертью. Те, кто пытался торговать ею, умерли или попали в беду. Но могло ведь быть и наоборот. Торговцы смертью сплошь и рядом живут припеваючи, а лучшие люди из-за них погибают. Это происходит оттого, что мы неправильно читаем Книгу мироздания, буквами которой являются люди. Первыми должны умирать худшие.

Они сеют смерть — пусть её и пожинают.

Над Москвой-рекой сияло солнце. “Тарас Шевченко” летел по выпуклой, как огромное увеличительное стекло, глади воды. Свежий ветер упруго толкал меня в грудь. Оставшийся далеко за кормой порт салютовал нам беспорядочными залпами и дымом горящих иномарок. Там погибали негодяи. Я был полон жизни и счастлив. И только мысль, что смерть, запертая в двух новеньких пластиковых чемоданах с кодовыми замками, была где-то рядом, в недрах огромного, гудящего, как овод, корабля, мешала мне быть счастливым абсолютно.